

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

psykorotika porraskukhne okraina

Black

Психоготика городских окраин

«Автор»

2026

Black

Психоготика городских окраин / Black — «Автор», 2026

Артем Седых — гордость гимназии, отличник и тихий наблюдатель. Он мастерски избегает жизни, прячась за книгами, шахматными партиями и собственными мыслями. Но хрупкое равновесие его мира рушится, когда в класс возвращается Даша Миронова. После страшной аварии, оставившей шрамы на лице и теле, бывшая «королева школы» превратилась в изгоя. Агрессивная, сломленная, но не покоренная, она становится катализатором хаоса: старые союзы трещат, а скрытая жестокость выходит наружу. Параллельно разворачивается трагедия Алексея Серафимова. Его тайные, болезненные рисунки попадают в руки одноклассников, запуская машину беспощадной травли. Артем оказывается на перепутье: остаться безопасным зрителем, продолжая играть в шахматы с судьбой, или вмешаться, рискуя своей репутацией «золотого мальчика» и рассудком. Для кого: мрачный young adult и постсоветская меланхолия — Sisters of Mercy на будильнике, хоррор в школьной столовой, волшебные трипы и откровения.

© Black, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог Даша Миронова	5
Глава 1 Артем Седых	7
Глава 2 Вова Шмак	13
Глава 3 Артем Седых	19
Глава 4. Даша Миронова	24
Глава 5 Артем. Седых	28
Глава 6 Вова Шмак	33
Глава 7 Даша Миронова	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Black

Психоготика городских окраин

Пролог Даша Миронова

Я просыпаюсь за час до будильника. Всегда. Не потому что надо, не потому что не могу уснуть — просто могу себе это позволить. В шесть утра в комнате ещё темно, за окном февральская синева, и только редкие фары режут её, как лезвия. Я лежу, смотрю в потолок и чувствую, как новый день наползает на меня, за горло вытаскивает из под одеяла. И я улыбаюсь. Я всегда улыбаюсь по утрам, даже когда внутри - пусто. Это привычка, как чистить зубы или красить ресницы.

Я встаю, иду в ванную, включаю воду. Зеркало показывает моё лицо — бледное после сна, но глаза уже горят. Я провожу пальцами по скулам, по шее, поправляю волосы, я не та, что раньше.

Через сорок минут я уже в школе. Иду по коридору, и шаги мои — быстрые, ровные, как у человека, который знает, куда идёт. Кофта расстёгнута, под ней чёрная майка, джинсы клеш с низкой талией, цепочка позвякивает на поясе, я черная - я звенящая. Я знаю, что на меня смотрят. Перwokлашки замирают, старшаки оборачиваются, кто-то шепчет, кто-то пялится в спину. Я не замедляюсь. Я иду сквозь толпу, как корабль сквозь воду, и народ расступается, потому что знают: Миронову не задевают. Даже учителя смотрят на меня чуть дольше, чем на остальных. Я им нравлюсь. Я знаю.

— Даша! Дашка, подожди!

Лена Бессонова вылетает из-за угла, запыхавшаяся, с мокрыми от крапающего дождика волосами. Она всегда бежит за мной — как тень, как преданная собачка, которая никогда не укусит. Я не против. Лена удобная: на неё приятно смотреть, она не тупая и никогда не спорит. Плюс она покупает мне кофе, когда я забываю деньги. Я не возвращаю. Иногда я думаю, что она меня ненавидит где-то внутри. Впрочем, это не моя проблема.

— Ты видела в чате? — она дышит часто, в руках телефон. — Опять какой-то аноним пишет, что ты спишь со старшеклассниками. Я ему ответила, сказала, что он козёл, но он всё равно...

— Забей, — я машу рукой. — Мне похер.

— Но это же гадость! — Лена хмурится, её лицо становится почти обиженным, как будто оскорбление адресовано ей. — Я за тебя так разозлилась... Да и Свят... Он же его найдет и...

Я кладу ладонь ей на плечо, легко, почти невесомо.

— Лен, спасибо, что впрягаешься. Но мне реально похуй. Правда.

Она кивает, и я вижу в косо висящем, похожем на мундир, бомбере, в каждой его бляшке - её счастливая улыбка.

В столовой мы садимся за угловой столик, тот, что у окна. Я люблю это место — отсюда виден бульвар Ветеранов, и я могу наблюдать за прохожими, не поворачивая головы. Я знаю, что за соседним столом сидит Свят. Он здесь царствует, и он — мой, впрочем я - не его. Свят сидит чуть поодаль, привалившись плечом к стене, и пьёт чай из пластикового стаканчика, как простой смертный. Он не скрывает, что смотрит на меня. Он смотрит открыто, тяжело, прошибая насквозь глазами.

Я встречаю его взгляд и не отвожу глаз. Я держу паузу ровно на секунду дольше, чем нужно, и отвожу первой — но не потому, что мне неловко. Потому что я могу себе это позволить. Потому что Свят не привык ждать, и это смешно. Он думает, что он чёрный принц, на-

следник, который может выбрать любую и ненавидеть своего предшественника. Вопрос, кто ещё кого выбирает.

— Опять он на тебя смотрит, — шепчет Лена.

— А на кого ты думала он будет смотреть? На тебя? — я улыбаюсь, чтобы она не обиделась.

Она фыркает, но без злобы. Она привыкла быть вторичной, уже привыкла.

Собираюсь домой.

Выхожу за ворота, закурываю. «Вог», тонкие, я курю их только когда никто не видит. В наушниках — Sex Gang Children, «Boss and Beauty». Голос Бой Джорджа: медленный, как смерть. Идеально для прогулки, когда не хочется никого слышать. Перехожу дорогу, музыка оглушает, я ничего не слышу. Ни машин, ни ветра, ни шагов. Только бас. И вдруг — краем глаза. Серая «шестёрка». Слишком близко. Слышу только визг тормозов.»

Тишина. Она такая плотная, что можно резать ножом. Я лежу на боку, щека касается стекла, и оно тёплое от моей крови. Пытаюсь пошевелиться — не могу. Тело не слушается. Голоса доносятся откуда-то сверху, как сквозь воду. Кто-то бежит. Кто-то кричит по телефону.

Я пытаюсь открыть глаза. Получается не сразу. Веки тяжёлые, как будто приварены. Я вижу чьи-то тяжелые ботинки, мокрый асфальт, красные пятна, расплывающиеся под дождём. И вдруг — своё лицо в осколке зеркала заднего вида. Его нет, две бездонные раны в месиве из кожи - мои глаза. Я смотрю на это лицо и не узнаю его. Оно чужое. Оно не моё.

Я закрываю глаза.

Где-то далеко, почти нереально, завывают сирены...

Глава 1 Артем Седых

- Артем, ну ты встал там!? - голос матери донёлся с кухни.

У меня в комнате тихо, сумеречно и пусто. Обои — бежевые, книжный шкаф, белый стол, серая кровать. Тонкий луч из окна. Больше ничего — дань здоровому аскетизму, в который я закатал себя, как в листовую броню.

На кухне царил отлаженный годами хаос. Я вышел, разрывая тыльной стороной ладони слипшиеся веки. Отец сидел за столом, его массивная фигура сгорбилась над тарелкой. Высокий лоб, окаймлённый полукругом коротких светлых волос, блестел в свете лампы. Он медленно пережёвывал, уставившись в одну точку. И весь его мужественный вид — широкие плечи, тяжёлые руки — мерк перед слабостью его позы.

Мать, в просторном домашнем халате, металась между плитой и столом. Волосы собраны в небрежный пучок. Она поставила передо мной тарелку, и её взгляд — быстрый, испуганно-ласковый — скользнул по лицу, боясь наткнуться на что-то неверное.

— Ты вчера так поздно лёг. Опять читал? — она улыбнулась. В этой улыбке было всё: гордость, тревога и мольба. Пожалуйста, скажи, что всё хорошо.

Я смотрел на котлету. Она выглядела так, будто её уже прожевали.

— Пусть читает. Это полезно. Пригодится, — сказал отец с нажимом.

— Полезно-полезно... Но ты бы хоть поел нормально, Артем. Ты бледный!

— Сойдёт, — выдавил я, запихивая в рот кусок, мой ответ тяжело повис между оконных откосов.

Она вздохнула, пряча ханжескую улыбку. Она не призналась бы в этом даже самой себе, но ей казалось, что усталость делает её сына красивым — чахлой врубелевской красотой.

Наступила пауза, которую, как всегда, нарушил отец. Он откашлялся, отложил вилку и, набравшись смелости, как перед подъёмом огромной тяжести, обратился ко мне бараньи свои глаза. На его пальцах, сбитых работой до состояния чешуи, я заметил свежий порез — он опять чинил что-то в гараже. Он всегда чинил, когда волновался.

— Виктор Витальевич звонил, — начал он, и его тихий, мягкий голос опустился ватой. — надо будет подойти в директорскую, говорит, предварительно, что ты справился... *превосходно!*

— Стараюсь, - кривая моя улыбка.

Господи, он натурально зарделся, как отличившийся второкласник. Впрочем, в этом была вся его жизнь: тихая гордость за меня, за то, что я «уникальный», за то, что я победитель, и полное, тотальное, как рана, саднящая у меня в груди, обожание.

«Как *ты* себя чувствуешь? Как *твое* настроение?» - таких вопросов он не задавал. Он сразу говорил: «превосходно». И с радостным нетерпением ждал моего кивка. Самоочевидно, что у *такого* сына, *его* сына по другому и быть не может.

Проткнул вилкой котлету. Сок пролился на тарелку, как капля крови. Я давился каждым куском. Завтрак был полон их любви — тяжёлой, как религиозный экстаз. Они обожали меня, точно икону, которую сами же написали: умный сын, это же *превосходно!*

И все же не смог, не дотерпел. Отодвинул тарелку, хотя был голодным. Тошнило. — Всё, я пошёл собираться.

— Ты почти ничего не съел! — встревожилась мать. — Не хочу больше, — сказал я, и мои слова прозвучали как выстрел в этой тёплой, пропахшей едой богомольне.

Они не стали меня удерживать. Боялись спугнуть, боялись как-то банально разувериться во мне, найти что-то низкое, приземлённое, в малейшем проявлении человеческого чувства, в пресном домашнем споре узнать, догадаться, последним не пролюбленным куском мозга, что в сущности все иконы — всего лишь безвольные деревяшки, с чёрной трухой внутри.

Пока засовывал учебники в рюкзак, обратил внимание на цветастый свой календарик. На следующей неделе жирным обведён день: «Соревы. Тоха.»

И снова, снова, снова и снова где то на окраине мозга першили мысли, не давали собраться. Они никуда не делись, как я надеялся каждый раз, когда открывал глаза, нет, они просто присыпаны сверху: домом, друзьями, как гора трупов в братской могиле, которых некому хоронить. Я растеряно стоял, забыв про школу, про все вокруг и чувствовал, как меня медленно, но верно топят между их свежих тел, засыпает чернозёмной тоской.

От безысходности, ни на что не рассчитывая, заглянул в окно.

В слабом фонарном отблеске, как подбитый лётчик с нераскрывшимся парашютом, падал город. Он летел, вертясь — к окончательной и бесповоротной посадке. Не принимал меня! Кричал гудками бегущих на излёте рельс поездов, жмурился за матовыми авиаторами витрин, холодел, мертвел, замирал, кровь сворачивалась у него в венах.

Вся эта масса малознакомых людей, тех, чьё присутствие я пока что не ощущал, но знал — знал тошнотворной уверенностью, что они есть, пугала... Ведь за каждым балконом, за всеми окошками, за глухими дверями и стенами — всюду втиснуто их столько, что ещё один-два — и разойдётся по швам. Их столько... Столько... Голова идёт кругом от мыслей.

Они дышат, ждут, хотят — и одного неверного шага, одного взгляда достаточно, чтобы лопнул под напором бессвязного шума без того выгнутый дугой бетон. Чтобы я споткнулся, вскрикнул и стал ещё одной складкой на теле Бога, правящего втиснутым в бетон мясом - всего лишь обрывком мысли.

Я устало улыбнулся. Я смотрел долго. Бесконечно. Медлил. И вновь, опять, снова, пока мама не вывела меня в подъезд за ручку и не подтолкнула встревоженным: «опоздаешь, беги!» А ведь я специально встал заранее.

В столовой перед звонком творился суетливо сворачивающийся ад. Столешницы завалены объедками, чьи-то ноги в убитых конверсах — прямо у моего лица. Я водил пальцем по старым надписям на бортике. «Птицы мыльных островов меня в танце кружат...» — как поэтично. «АХАХАХАХА НЕПЕРЕВАРИВАЮ!!!!» — истеричные, переломанные буквы.

Дима с Художником играли в дурака. Я пил компот — мутную фруктовую воду с кусками размокших сухофруктов.

Катя, рассыпаясь невесёлым смехом, объясняла ход какого-то матча с прошлогодного фестиваля. Воронёные волосы, собранные в низкий пучок, вздрагивали на плечах. Она сидела рядом со Шмаком, но я видел, как его взгляд то и дело соскальзывал на её руки — длинные пальцы, обмотанные лейкопластырем.

— Главное снова не облажаться на фестивале, как в прошлый раз иначе — в запас, — спокойно говорила Катя.

— Ну, если так думать, то в этом году я бы ставил на кого-нибудь из 10Б, — сказал Дима.

— На кого? Лилушь только в волейбол хорошо играет, — возразил Художник, не поднимая глаз от карт. — А Владос в прошлый раз так всосал Тохе, что трижды подумает.

— Ха! — воскликнул Дима, швырнув карту. — Ну, что теперь?!

Художник хмыкнул и в несколько движений остался совсем без карт.

- Это... - Дима изумлённо глядел на него.

— Учись играть, Зыченко, — перебил Художник. Его улыбка была стервознее, чем у Гузеевой. Он сгрёб Димину колоду и демонстративно начал тасовать. — Можешь попробовать отыгаться.

— Идите все нахер! — Дима зло встал, скрипнув стулом по кафелю.

Он рассказывал, как ценна для него эта колода. Единственное, что осталось от отца, после нескольких подряд выигрышей. Пришла в письме, вместе с процедурой о погребении. Со строгача не звонили.

Да уж, деньги у младшеклассников отбирает, но карточный долг для него святое — воровское, мать его, диалектическое рыцарство.

— Влад проиграл, потому что судьи были левые, — вмешался Марк. — Все знают, что Тоха просто... ну, он странно дерётся. Нечестно как-то.

Тоха, доедавший спизженное пюре, скосил глаза на Марка. Тот несколько секунд не ломался, потом благоразумно уткнулся в тарелку.

По пути к раздаче Тоха уверенно расталкивал толпу плечом. Я шёл за ним, чувствуя, как чужие локти и рюкзаки врезаются в рёбра. Вдоль стендов с едой и напитками сгрудилась очередь. Постояли пару минут. Тоха нетерпеливо стучал носком адика по линолеуму и неспешно, с истинно семихатовской элегантностью, выходил из себя. Потом не выдержал, обошёл очередь и двинулся к голове.

Худая, почти тщедушная, в поношенном чёрном фартуке, безотказная Вера - королева спирта, сломанной тростинкой чахла, сгорбившись у компотов. Зелёные волосы застирались и отросли натуральной темнотой. Мефедроновая чёлка, выбившаяся из-под колпака, устало топорщилась. Время от времени она резким движением головы откидывала её назад.

Над ней нависал Дима — долговязый, с мелкими кудрями. Он стоял боком, скрестив руки, и что-то говорил, кивая на дверцу подсобки. Вера не смотрела на него и её лицо — бледное, с запавшими щеками — было пустым, той отработанной пустотой, в которой тонет любая боль.

— Если ничего не берёшь, отойди, че тебя все ждать должны? — сказал подошедший Тоха. Голос его звучал нетерпеливо, резко и я чувствовал, как из под раздражения пробивается опасная льдинка.

Дима медленно повернул голову.

— Подожди, блять, не видишь, я разговариваю!

Он повернулся, схватил Веру за руку и притянул к себе, собираясь сказать что то на ухо. Вера дёрнулась, но он держал крепко — пальцы впились в её запястье, оставляя белые следы. Она склонилась так низко, что чёлка выпала из под колпака, оставив только длинный тонкий нос и напряжённую линию скулы

А я стоял, чувствуя, как внутри меня что-то мучительно натягивается. Ведь нужно же было что-то делать. Кого-то звать. Говорить. Но я мог только чувствовать, как мысль достигает акматик и застывает на миг, срываясь на визг: «Вот момент выбора! Давай же! Определись!» — а затем мысль не выдерживает, надрывается и с удвоенной скоростью летит вниз, в точку окончательной обскурации.

И остается только спокойное, погребальное пение: «Безоо-оотказная Ве-ера, коро-лее-еева спиирта, с банкой чистого флирта ты спешишь ко мне».

Тоха вытащил кейп. Затянулся — медленно, с наслаждением. Вишнёвый пар вырвался из его ноздрей, окутал лицо.

— Ты меня не услышал?

Дима обернулся. Он был ниже Тохи на полголовы, но шире в плечах, облаченный уверенностью мужика, который знает с паханом.

— Ты че о себе думаешь? Не команду тут, Семихатов!

Тоха улыбнулся. Я видел эту улыбку — она не предвещала ничего хорошего. Он со сладким оттягом уронил руку с подом в карман. Сладко вдохнул.

А потом — резкая хватка на загривке Димы, мощный рывок. Тоха с силой, которой невозможно сопротивляться, вжал лицо Димы в столешницу и наклонился над ним, логореично цедя слова сквозь зубы:

— Сука, ещё раз, блять, ты скажешь что-то в таком тоне или заставишь меня ждать — будешь вытаскивать свои кривые зубы из толчка. Понял?

Гул в столовой затих. Несколько человек обернулись. Катя побледнела. Швабра смотрела на Тоху застывшим взглядом.

Дима промывчал что-то невнятное. Тоха отодрал его от стойки и отшвырнул в толпу.

Дима, рыцарь из под шконки, бросил ему вызов на спарринг. Тоха с хохотом принял, блеснув безуминкой в жестком надломе губ:

— Всё, съебал отсюда!

Дима постоял, весь красный, но потом, бормоча «пидоры, блять», ретировался.

Мы сделали только хуже, — пронеслось в голове. — Теперь он вернётся с друзьями, со Святом. Или будет травить Веру потихоньку, когда нас не будет.

Я посмотрел на Тоху. И лицо его было безразличным. Ему было всё равно. Ему было просто весело.

Вера медленно выпрямилась. На руке, из-под закатанного рукава тесной кофты, виднелась татуировка — унылая Гудетама. Она подняла глаза — тусклые, с синевой под нижними веками. Посмотрела на Тоху, потом на меня. В её взгляде мелькнуло удивление — странно, кто-то вообще заметил, что она существует.

— Спасибо, парень, — сказала она устало с почти механическим облегчением.

Тоха не ответил. Он смотрел на неё, и его лицо исказилось неприязнью.

— Сочтёмся, — бросил он коротко. Затянулся вейпом — глубоко, яростно, так, что вишнёвый пар хлынул из ноздрей. — Ну не задерживай очередь, наливай, хули мы стоим?

Пальцы в прозрачных перчатках — из-под них выпирали суставы — осторожно обхватили стакан. Она сунула его под алюминиевый бачок, открыла вентиль. С лёгким шипящим свистом хлестнула мутная фруктовая водичка. Кусок размокшего абрикоса с размаху ударился о прозрачную стенку и опустился ко дну.

Вера протянула компот Тохе.

Мы вернулись за стол. Никто ничего не сказал. Только Шмак поднял на меня короткий взгляд — он как никто другой чувствовал предгрозовую тяжесть, витавшую вокруг Тохи.

***На последней перемене, как договаривались, Швабра уже стояла у лестницы, привалившись плечом к отполированной плечи перил, и нервно отрывала от оранжевого кардигана куски вязаной плоти.

На ней были широкие джинсы, заправленные в огромные ботинки на платформе — они делали её и без того мелкую фигуру похожей на пылесос Hoover Junior с прицепленной сверху шваброй. Глаза за толстыми стёклами очков бешено блестели.

— Ну ёмое, — выдохнула она. — Почему я вас тут ждать должна? Мы уже опаздываем! Меня же сейчас за вас отпинают! А у меня, между прочим, тоже дела есть, а не только сидеть, как дура, и караулить вас.

Тоха на ходу закрыл глаза, улыбнулся — так, что об его равнодушие все её слова разбились и отскочили. Потом открыл, лениво скосил взгляд:

— По какому поводу вы все так забегали?

Швабра махнула рукавом:

— Олимпиадные новости. И по мелочи.

— Понятно, — он со скукой в голосе харкнул куда-то в сторону плинтуса у дверей школьной ретирады.

Швабра обернулась ко мне.

— Тебя, Седых, особенно зазывали. Виктор Витальевич сказал, бумажки по поводу твоего выступления. Гордись, что они так ссутся по тебе.

Я промолчал.

— Ты же прошёл дальше, да? — прищурилась она. — Я слышала, ты первый по разбалловке.

Я пожал плечами. Откуда она это слышала?

Швабра фыркнула:

— Ты бы хоть порадовался. Меня бы на твоём месте я бы...

— Порадовался! — Тоха закатил глаза. — Да тебя дальше школы не пустят ты и тут уже всех заебала.

— Слушай, Семихатов, тебе давно никто не вставлял? Или хочешь в следующий раз таки отъехать куданибудь на пятнадцать суток?

Он пожал плечами.

Василиса продолжила:

— Олимпиада — это хотя бы престижно. А за педсоветы тебе рвут жопу, но этого никто не ценит. Вы не понимаете, потому что я вас постоянно отмазываю

— Спасибо, что напомнила, — Тоха сплюнул в сторону плинтуса. — Мне это знание очень поможет в жизни.

Перепалки, щипки, но при этом какая-то странная притёртость.

— Ладно, — сказал я. — Пойдёмте. А то действительно опоздаем.

Тоха кивнул на кабинет директора.

— Давайте. Вас уже заждались. — Он снова затянулся, потом добавил: — Если что-то узнаете, скажите потом, как в столовке будем.

— Ладно, — ответил я, и мы двинулись к двери.

Швабра пошла рядом со мной, чуть сбоку. Я заметил, как она поправила очки, зелёные глаза на секунду вздулись до небывалых размеров и снова уменьшились.

— Поздравляю, — буркнула она без обычной колкости, почти искренне.

В кабинете витал запащёк оттесненной в бетоне тоски. Скупая, сырая злоба обитателей его содрали краски, аккуратно сложив их в угол, туда, где стояла старая японская ваза с бансаем дуба.

За длинным столом сидели директор, завуч и Виктор Витальевич —немного сутулый и тонкий, он взирал на меня поверх очков. Его костюм сидел мешковато — за лето он похудел, но одежду так и не сменил. Коротковатые брюки вздёрнулись, обнажив щиколотки в дикорозовых носках, украшенных листками конопли. На щеках виднелась серая щетина. Он напоминал уставшую цаплю, забредшую не в своё болото.

— Артём Александрович Седых, — начала директор. — Мы собрались, чтобы поздравить тебя с успешным прохождением на следующий этап олимпиады по литературе. Ты — первый. В случае победы — поездка в Москву. Постарайся, пожалуйста.

Она сделала паузу, ожидая моих эмоций. Что она рассчитывала услышать? Что я вскочу и закричу «ура»? Я молчал.

— Ты должен понимать ответственность, — Завуч, женщина с железным голосом и седым ёжиком на голове, поправила очки — я заметил, что дужка была замотана синей изолентой. — Мы все надеемся на тебя.

Я кивнул. Сказал «спасибо». Завуч перелистнула бумаги, которые мне пришлось заполнить. Я уже собрался уходить, когда она сказала Швабре:

— Кстати... на следующей неделе из больницы возвращается Даша Миронова. Ей потребуется адаптация. Прошу тебя, Василиса, подготовить, так сказать, класс, потому что...

Я задумался, рассеяно оглядывая кабинет. Кстати... Предлог «к» целялся к этому слову как съёмная рукоятка. Прикрутили «к», потом приставили ствол, короткий и толстый - Ста -, и, наконец, забили в ствол патрон с картечью - «ть». Выстрел - резкий, громкий, страшный - кстати! - к-стати! Она специально? К-стати. Стати... Стать! СТАТЬ! Какая может быть у даши стать, после того что произошло? Она смеется или издевается?

Мне вдруг словно выстрелом из обреза в грудь вышибли кислород — жирные пальцы обвили и, раскрутив, выжали легкие, как половую тряпку. Поймал взгляд директора и с усилием закрыл за собой дверь. Приник к ней ухом. Весь мир сузился до одной точки — её имени.

Даша вернется. Я увижу её.

Мысли заматались, не находя выхода. Я отошёл от двери, прислонился спиной к холодной стене. Коридор был пуст. Свет ламп резал глаза.

Я отошёл от двери, прислонился спиной к холодной стене. В коридоре было пусто. Свет люминесцентных ламп резал глаза.

«Она вернется. А я — кто я для неё? Никто. Так, лицо в толпе. Я даже не знаю, что сказать ей, если она подойдёт».

Я провёл ладонью по лицу. Пальцы мелко подергивало. Интересно.

Что я чувствую? Страх? Надежду? Не ясно.

Я решил: если она вернется, я встану у входа. И если она посмотрит на меня — я скажу "привет". А если нет — я просто постучу по стене, чтобы она обернулась. Главное — не промолчать

Но даже это обещание самому себе казалось фальшивым, что может в конце концов идеальная маска, пустая, отполированная до блеска форма, под которой — только бессвязный мысленный шум.

Я пошёл прочь по коридору. В ушах всё ещё звенело: «Даша возвращается».

Неужели, сегодня я, кажется, впервые за долгое время чего-то захотел. И захотел слишком сильно, чтобы промолчать.

Дома было тихо. Мать, наверное, ушла в магазин, отец ещё работал. Я разделся в коридоре, бросил рюкзак у входа и прошёл в свою комнату, не включая свет. Глаза привыкли к сумеркам, и я различил очертания стола, кровати, шкафа. Всё было на своих местах. Только внутри ничего не было на месте.

Я сел за стол, включил настольную лампу. Жёлтый круг света выхватил из темноты тетрадь. Я открыл её на чистой странице. Ручка лежала рядом — чёрная, дешёвая, с погрызенным колпачком. Я взял её, покрутил в пальцах.

В голове не было слов. Только образы: её лицо, её волосы, её возвращение. И ещё — её взгляд, который я так и не увидел. Я закрыл глаза и попытался представить, что скажу ей, когда она войдёт. «Привет, я здесь». Или: «Я ждал тебя». Или просто — молчание. Но всё это казалось слишком простым.

Я открыл глаза и начал писать: «Две могилы мои — в обеих цветёт трава». Перечитал. Получилось плохо.

Ни на что не рассчитывая, заглянул в окно. Туда, где скоро распластается городок, и тысячи скорчившихся, стиснувшихся всюду тел, которых я так боюсь, брызнут соком под бессилием моих мыслей.

За стеклом, уже касаясь зубами земли, стыл город. Все так же не принимал меня! Визжал шиномонтажной спесью катящихся автомашин, кривил улыбку в отблесках телереклам, старел, жирел, издыхал, желчь вскипала у него в горле.

Я смотрел долго, бесконечно и напрасно, в мутной месяца игре. И вновь... пока сообщение от Инны не отвлекло меня от созерцания опустившейся темноты.

Глава 2 Вова Шмак

Я проснулся от того, что кто-то дышал мне в затылок. Мать сидела на корточках у кровати и смотрела на меня. За окном — февральское утро. Я заснул в одежде, обогреватель не выключил, и теперь я был мокрым, как выжатая тряпка.

Дыхание было горячим, во рту всё высохло. Я разлепил влажные веки и увидел мать — она сидела на корточках у моей кровати и смотрела на меня. А!/? Чего это вдруг она меня будит так рано?

Её волосы висели чёрными прядями. Она пахла мятной зубной пастой и сигаретами, теми тонкими «Вог», которые эстетично, в задрипаной чёрной майке с оранжевыми разводами от белизны, курила с утра на балконе.

— С днём рождения, мелкий. Тебе восемнадцать, — снисходительно сказала она. — Да уж, как летит время. Помню, когда ты родился — такой маленький, красный, орал как резаный, знаешь как мартышата. А теперь вон какой вымахал.

Я смутился и отвёл взгляд. Мне всегда как то неловко, как то тесно, когда она говорит о детстве.

Она никогда не называла меня по имени, думаю в этой стране «Вова» просто слишком громкое имя, чтобы им разбрасываться ради кого-то вроде меня.

Я сел на кровати. Одеяло сползло, открывая мои ноги в старых семейных трусах с ромбовидным рисунком. Я быстро натянул его обратно. Я ненавидел, когда кто-то видел моё тело — даже мама. Оно было неправильным: слишком худым, слишком бледным, с волосами, которые захватывали все больше меня, хотя мне казалось, что они растут не туда и не так.

— Спасибо! — косо ощерившись проскрипел я.

— Я приготовила для тебя подарочек, — сказала она. — Помнишь, ты просил у меня диски с записями моих групп? Как тебе, понравилось?

— Конечно! Я и сейчас их слушаю.

Если бы она почаще прислушивалась, то знала бы, что на будильнике у меня — барабаны, «Temple of Love», и отстранённый, печальный голос Эндрю Элрича рассказывает, как умирает свет и сгущается ночь, как стареет храм и как он падёт.

— У тебя есть склонность к такой музыке да и вообще... Хочешь, я могу сделать из тебя неформала, гота?

Дрожащая тоскливая радость пробилась в груди. Волоски в районе подмых увлажнились.

— Мам, нет, — выдавил я. — Не надо.

Она нахмурилась, бровь с разрезом изогнулась, рука замерла.

— Почему? Ты же слушаешь эту музыку, тебе нравится чёрный цвет, этот стиль. Ты же хочешь быть таким, мне это видно.

— Хочу. Но если я приду в школу с чёрными ногтями... - я безнадежно махнул рукой.
- Меня рзмажут.

Вспоминалась сегодняшняя ночь. Зимние сумерки мягко опускались в глухой закуток за поворотом здания спортивного зала. Дима кричал. Всё его разгорячённое предостережение скомкалось в унылом угловом углу.

- Ну и хули ты наделал? - спросил Свят..

- Да что такого, НУ, ЧТООО, ЧТО Я СДЕЛАЛ?

- Ты понимаешь? Ты выставил меня на посмешище. Тебя мало того, что унизили на всю столовую, так ещё и отпинали. Мне Рытовский уже чуть не в глаза смеется. И ты говоришь: «Что такого?»

- Это же Семихатов устроил! - прохныкал Дима.

Вмешался Марк:

- Смысл с ним говорить, он debil, он об этом не думал. Ебашить его да и все.

Свят помедлил, сказал:

- Да ну, его и так нормально отпинали.

Но Марк и Сеня переубедили его. В конце концов он сдался и мы вчетвером бросились на бывшего товарища, Свят стоял в стороне.

Я вернулся домой весь мокрый и уставший, раздевшись я без сил повалился спать.

Хм, какой ты лицемер. Даже попробовать не хочешь, а столько думал, столько мечтал. Вспомни, ведь и Ей нравятся неформалы. А может и правда? Никто не заметит.

— Шмак, — сказала Мама тихо, — я тебя понимаю, если хочешь, давай посмотрим фотки, может, тебя зацепит?

— Посмотри, — сказала мама, вытащив с антресоли старую коробку с фотографиями и протянула мне. — Это я. Мне семнадцать. Видишь, какая тощая?

- А вот это Шиша, он всегда нажирался и мы вытаскивали у него мелочь. Кажется он работал в такси.

На следующей фотографии она стояла в широченной косухе, в драных колготках с кружевами и смотрела в камеру с вызовом. Рядом с ней стоял высоченный чувак. Он улыбался и обнимал её за плечи. На обратной стороне чёрным маркером выведено: «Лера, ты круче всех. Помни это. Гот».

Ого, как пристально ты на него смотришь. Ревуешь? Обидно что с отцом фоток нет, а с каким-то готом есть? Или завидуешь? Ну, не обольщайся. Ты думаешь, чёрный лак сделает тебя таким же? Навряд ли, Вова, говно и в готской одежке - говно.

— Это Гот, — сказала она. — Я слышала от знакомых, что он всё ещё в своем гараже на дзержинского. Недавно Юля забегала, помнишь?

Да, мамина сестра уголовница. Источник что надо!

- Она видела его, говорит, он делает гитары и маникюр. Хочешь к нему сходить? Я думаю, он сможет тебе помочь.

— В чём помочь? Не надо мне ни с чем помогать.

— Сделать тебе маникюр. Просто попробовать Чёрненький! Только не начинай, про то что он бабский. Вон, глянь на «тайпо негатив», у тебя язык не повернется назвать их бабами. И мы сделаем так, что никто не увидит, если ты не захочешь. Ну хоть на день!

Мои лапы лежали на коленях — с обкусанными ногтями, заусенцами, грязью. Я представил их чёрными, блестящими, как у Гота на фотке.

— Ладно, — сдался я. — Попробуем.

Она улыбнулась и сжала мою руку.

Ты согласился? ХА-ХА-ХА Ты что, сдурел? Ты же знаешь, что завтра ты это сотрёшь или спрячешь, ты всегда прячешь! Идиот.

Мы шли по серым улицам старого пригорода. Февральский ветер резал лицо, я спрятал нос в воротник пуховика. Мама ступала впереди, я как будто прятался за ее спиной. Удручает.

Мы остановились у гаража на Дзержинского, 8. Он стоял в ряду таких же ржавых коробов, но его выдавала табличка, нарисованная от руки чёрной краской: «Гот. Ремонт гитар. Маникюр. Консультации. Таро».

Ты чуть не рассмеялся, но смех застрял в горле, потому что внутри тебя все дрогнуло. Страшно, ух как страшно. А что, если Гот — если он тоже заржёт. Захохочет, подбирая летящие во все стороны сопли, ухочется, до подпукиваний над тобой - лысой и кривоzubой чуркой, которая захотела ногти.

— Может, не надо? — струсил я, останавливаясь. — Давай просто купим торт и пойдём домой.

— Нет, — отрезала мама. — Мы уже пришли. Ты же не хочешь, чтобы твой день рождения прошёл в четырёх стенах. Хотя бы попробуй. Если не понравится — сотрём. Обещаю.

Хотелось спорить, но она уже толкнула дверь. Волей неволей я поплелся за ней.

Внутри пахло сломанными электроприборами. В углу шипел газовый обогреватель. Вдоль стен стояли гитары — целые и сломанные. По центру, под единственной лампочкой на обгрызенном проводке, гнила скомканная страшным ударом «Нива».

Человек за верстаком был худым, с длинными чёрными волосами до плеч. Выглядел он старше чем на фотографии, но готский макияж скрашивал разницу, так что я бы дал ему от силы тридцатку.

Он поднял голову и широко улыбнулся.

— Лера! — сказал он, вставая. — Ебать! Я думал ты сдохла!. Пятнадцать лет, мать твою!

Мама засмеялась — громко, искренне, как она не смеялась дома.

— Не дождешься!

Он подошёл к ней и обнял. Я стоял в стороне и чувствовал себя лишним. Ненавижу, когда мама встречается со старыми друзьями, это означает что про меня забудут, даже в день рождения.

— А это кто? — спросил Гот, глядя на меня поверх маминой макушки.

— Это мой сын, — сказала она, отстраняясь. — Шмак.

— Шмак, значит, — протянул Гот, рассматривая меня. — Не помню, говорил тебе, что все азания у тебя выходят по-уродски.

Он тут же смутился.

- Впрочем, Шмак так Шмак. Сколько тебе?

— Восемнадцать. Сегодня.

— Ого, — Гот присвистнул. — А я тебя помню.

- От таким вот - он растопырил два пальца жестом указывая мой размерчик, потчи угадал, - совсем мелким, когда Лера ещё возила тебя в коляске. Ты страшно орал!

- Ты себя видел, мужик? Естественно я орал!

Он заржал.

Ненавижу, когда кто-то вспоминает меня маленьким — как будто я всё ещё тот уродец, который не умел говорить и только визжал, все говорят что я только и делал что визжал.

— Мы к тебе по делу, — начала мама. — Сделай ему маникюр. Чёрным лаком, какнибудь нишево!

— Давай, показывай, — сказал он.

Он взял мою правую руку, повертел её и хмыкнул. Ногти цеплялись к фалангам пальцев, как дохлые собачьи головы — обкусанные, красные от грызни, с заусенцами, грязью, кровью. Ты был уверен, что он скривится или скажет что-то вроде «ну и запустил ты себя».

— Не все так плохо, как могло быть, — сказал он. — У одного парня ногти были просто черными от грязюки и отходили от пальцев, он работал в автомастерской. Так что не ссы, ты ещё цветёшь и пахнешь. Садись.

Мама присела на старый ящик рядом и закурила, чиркнув спичкой.

— Давно не виделись, Гот, как ты тут, — сказала она, выпуская дым.

— Да уж, лет пятнадцать — ответил он, не поднимая глаз от моих пальцев. — С тех пор, как ты ушла. Помнишь, на Гоголевской подвал?

— Помню, — она улыбнулась. — Сука, у тебя точно так же пахнет как тогда, какой то дешманской краской для волос с седьмого перехода.

— Батареи текут, от того и запах — засмеялся Гот. — Помню, мы сидели на полу, пили пиво и слушали Sisters, сколько нас было человек пятнадцать? Ты тогда ещё волосы в ирокез ставила.

— А ты в кожаном плаще, который был тебе на три размера больше, — ответила она. — В клёпки перешивал на нём, чтобы смотрелось.

Я сидел и слушал. Гот аккуратно подпиливал мои ногти. Ты смотрел, как он работает, и думал: какие же они были крутыми. А я — просто мальчик на побегушках».

— А помнишь, как ты набил мне розу на жопе? — сказала мама. — Это была твоя первая татуировка!

— Не напоминай, емое, это позор, да и у тебя сын тут — покосился на нее Гот.

- А что? - вызовом спросил я. - Мне нельзя потому что на жопе? Эка невидаль, будто я не видел.

- Шмак! - мама чуть не дала мне леща.

— Не только, иголка сломалась, и я чуть не пробил ей вену. - сказал Гот. - Но твоя мать крута, без сомнений, даже не пискнула, только зубы сжала.

— Ну ты меня в краску загонишь, — сказала она. — А потом ты меня бинтовал и отпалывал портвейном, рассказывая как откроишь свой секондхенд.

— И вот, — Гот развёл руками, показывая на верстак, — открыл, пусть и не секонд.

Я смотрел на маму, на Гота. Они говорили о своей молодости, о том времени, когда они были такими же, как я, — боялись, сомневались, но всё равно делали.

— А ты, Шмак, — сказал Гот, переключая внимание на меня, — слушаешь что-нибудь? Мама говорила, что ты увлёкся её музыкой.

— Ну... да, — сказал я. — Sisters, Bauhaus... И ещё The Cure.

Гот поднял бровь.

— Неплохо, — сказал он. — А сам играешь? На гитаре? Хочешь, научу?

— Нет, — я опустил глаза. — Я не умею. Руки не такие.

— Смешно! Это просто дело времени, — сказал он. — Я покажу тебе, как играть «Love Will Tear Us Apart». Там всего три аккорда.

— Он попробует, — сказала она. — Мы ещё придём, правда, Шмак?

— Да, — выдавил я. Голос дрогнул. Впрочем, она просто хотела с ним повидаться, я тут наврядли имел место.

Гот закончил пилить и взял баночку с чёрным лаком, макнул кисточку и начал покрывать мои ногти. Лак был холодным, гладким, он ложился ровно, заполняя все трещины, все мои несовершенства.

Ну что, Шмакодьявка, тебе нравится? Ты, чурка кривозубая, ты реально думаешь, что это тебя украсит? Обезьяна с короной. Смех один! Быстро же с тебя её собьют! Кто-то скажет: «Эй, Шмак, ты что, баба?» И засмеется. А ты промолчишь. Съёжишься. Спрячешь руки в карманы.

Я сжал зубы, чтобы не вырвать руку. Я сам решу, кому показывать! Никто даже не узнает!

— Готово, — сказал он через несколько минут. — Дай высохнуть.

Он откинулся на стуле и посмотрел на меня ярко подведенными глазами.

— Ну как?

Руки были все такими же костлявыми, с буграми фаланг, но к ним крепились чрные, блестящие, как гробики для лилипутов, ноготки.

— Нравится, — сказал я злобно, понимая, что не смогу эту красоту оставить, показать всем, потыкать в каждого.

— Ну вот, а ты боялся, — шепнула мама - Молодчина! Я горжусь тобой!

Гот усмехнулся.

Мы просидели там еще долго. Про меня, конечно, забыли. Дали банку пива, раз уж я теперь совершеннолетний и весело смеялись над старыми воспоминаниями, сплетничая о каких то своих друзьях, которые теперь просто старые, усталые люди.

Домой мы шли уже в темноте. Фонари горели тускло, как старые лампочки в подъездах. Каждый раз, когда я касался пальцами внутренней стороны кармана плаща, я ощущал холод и гладкость. Это успокаивает. Так что я шерудил по всему карману. Думаю со стоны дёргаю-

щийся карман выглядел странновато. Впрочем, никто не смотрел на меня. В этом городе никто ни на кого не смотрел.

— Может, останемся дома? — спросил я, останавливаясь у входа в «Магнит». — У меня есть пицца в морозилке. Не хочу в «Додо», там люди.

— Нет, — отрезала мама. — Ты не будешь сидеть в четырёх стенах в свой день рождения. Мы просто купим торт и посидим там, Гот нас проводит.

Мама зашла в «Магнит» купить торт. А мы с готом остались стоять на холоде у входа. Он закурил.

- Ссышь? - сказано это было спокойно, в пустоту.

- Иди нахер.

- Лера рассказала мне про твою проблему.

- Поздравляю!

- Короче, помогу я тебе по дружески, не благодари.

Я промолчал.

Мама вернулась с тортиком и баночкой лака, чтобы при нужде поправлять маникюр самостоятельно.

Подумай, Шмак, быть может, тебе больше подошла бы кальянка, лавочка за гаражами и банка «Балтики»? Что ты делаешь в этом чистом и светлом помещении пропахшем пиццами.

Они, уже пьяненькие, одели тебя как надо: в огромный плащ, натянули корсет, Гот отдал свои мартинсы, висюльки, шипасые браслеты. Тебе стыдно? Да ладно, Шмак, от меня то не таись, я же знаю что ты чувствуешь. Видишь, как глянула на тебя та девчёнка за крайним столиком. Может, ты ей даже понравился. Ты ведь такой эпатажный, такой не нормис. Льстит, да?

- Все, я все заказала! Щас распакуем тортик, - сказал мама.

Она села напротив, откинувшись на спинку диванчика.

— Шмак, расслабься, — говорит мама, замечая, как я кручу в пальцах салфетку. — Ты же день рождения отмечаешь. Не каждый день тебе восемнадцать.

— Ага, — говорю я, не поднимая глаз.

Гот распахивает в тортик свечки, всего две штуки с цифрами 1 и 8. Поджигает.

- Ну, Шмак, я хочу пожелать тебе...

Она говорит много, тепло, приятно. Гот желает коротко. Я задуваю свечки. Все хлопают, мама кричит что то веселое. Все таки они уже пьяненькие. Гот режет тортик и кладет мне. Я беру стакан. Лёд уже почти растаял, и вода стала пресной. Я делаю глоток — она обжигает горло холодом, и я чувствую, как пузырьки щекожут нёбо.

Вокруг — другие люди. Семья с детьми за соседним столиком. Пацан лет пяти, с наушниками в ушах, сидит и смотрит в планшет. Его мать поправляет ему волосы и что-то говорит, а он кивает, не отрывая глаз от экрана.

Слушай, странное дело, ты впервые чувствуешь себя главным героем, а не третьестепенной фигурой в свите главгада. Пускай ты отмечаешь свой др в «Додо», но даже в детстве, когда еще мать не сбежала от отца, отмечая в ресторане тебе не было так приятно.

— Шмак, — мама наклоняется вперёд, сокращая расстояние, ее красное лицо лучится пьяным теплом — я вижу, что ты паришься. Перестань. Это твой день. И я хочу, чтобы ты расслабился.

— Да нет, мне вообще норм...

— Я была такой же, как ты, — говорит мама, не слушая. — Меня тоже травили. Мне тоже говорили, что я урод. Что я никогда не найду друзей. Что я умру одна. Я пряталась в туалете, когда слышала их шаги. Но потом я нашла Гота. И других таких же. И мы перестали прятаться.

Мама улыбается. Своей улыбкой она словно вышибает мне нахер зубы и вставляет импланты - ровные и белые, выдавливает все прыщи. А ведь, я даже и не плох, мне может даже идет. Неужели, я могу выглядеть так, чтобы на меня засматривались?

Через несколько дней я снова пришёл к Готу.

Гараж был открыт. Собачка рядом со входом виляла хвостом. Изнутри доносились звуки гитары — кто-то играл что-то простое, но уверенное. Я толкнул дверь и вошёл.

Гот сидел на верстаке с гитарой в руках. Рядом с ним стоял парень — невысокий, с длинными тёмными волосами и острыми чертами лица. Он был в чёрной толстовке с капюшоном, и когда я вошёл, он повернулся и посмотрел на меня.

— О, Шмак! — Гот улыбнулся. — Проходи.

— Привет, — сказал Семён. Его голос был ровным, спокойным, без насмешки. — Шмак, да? От Свята?

- Угу, здорова.

Гот протянул мне гитару.

— Давай, попробуй.

Я взял гитару. Она была тяжёлой, и я сразу понял, что не умею её держать. Я попытался поставить пальцы на струны, но они были слишком толстыми, и я не попадал в лады. Струны звенели фальшиво. Семён смотрел на меня, и мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Ничего, — сказал Гот. — Начнём с простого. Вот так.

Он взял мои пальцы и переставил их на нужные струны. Его руки были прохладными, и я почувствовал, как он мягко давит на мои фаланги.

Я попробовал снова — пальцы скользнули, но я услышал один чистый звук. Один. На секунду мне показалось, что это играл кто-то другой.

— Слышишь? — сказал Гот. — Получается. Тренируйся, и будет лучше.

Я положил гитару на колени и украдкой, чтобы никто не допер, посмотрел на свои руки. Они дрожали. Я ненавидел их — толстые, неуклюжие, как у бегемота. РАЗВЕ могут они делать музыку?

Семён подошёл ко мне и сел рядом.

— Ты давно ходишь к Готу? — спросил он.

— Второй раз, — ответил я, глядя в пол.

— А я уже месяц. Он учит меня играть. У тебя тоже получится.

— Спасибо, — сказал я.

Мы посидели в тишине. Гот завёл пластинку — снова Sisters, но другую песню, медленнее.

Глава 3 Артем Седых

Зал для бокса в соседней с нашей гимназией спортшколой трепыхался из последних сил, проигрывая в классовой борьбе с кружками йоги и волейбола. Он вкрай обветшал и навевал случайно забредшему сюда человеку лишь чувство скорой кончины.

Сейчас, впрочем, стоял тот редкий день, когда он оживал, наполнялся людьми и мог почувствовать себя как в старые добрые времена, когда здесь проходили блатные шабаши, разборки, следы от которых пулевыми отверстиями ныли под обновлённой штукатуркой.

У этого зала давненько прогрессировал ревматизм и старческая сентиментальность: крыша всё чаще подтекала пресными слезами при мысли о прошлых заслугах. Он был подобен экс-чемпиону, стареющему в нищете.

Я примостился на скамейке в углу, опершись затылком о стену. Тоха пригласил меня поболеть. Зрителей привалило немало, человек тридцать. К сожалению, подавляющее большинство, как желтые таракашки, сгрудилось у торцевой скамейки, где Свят, спокойно сверкая заклёпками на приталенном чёрном бомбере, — похожий на чёрного принца, — что-то серьёзно говорил Диме.

Дима, немного бледный и чуть синеватый, только мелко кивал, витая, видимо, где-то далеко. Несколько человек вокруг похоронно смотрели на плохо подогнанный паркет. Что ж, я их понимаю: выходить с Тохой один на один... *Dementia et fortitudo!* Остальные смотрели, как разминается Семихатов, и мелко, холодно вспотевали, глядя на трещинки, расходящиеся по кожаному обводу груши после очередного удара.

Рядом со мной сидела Швабра, напросившаяся под предлогом необходимости задокументировать этот момент, и теперь с ухмылкой лыбилась на Тоху сквозь глаз телефона. Она всегда хочет быть в центре событий. Ещё дальше стоял Тигран Киасоянович — единственный постоянный обитатель этого места, тренировавший по мере возможности молодёжь, он покручивал сталинские усы и щерил жёлтые зубы, с удовлетворением наблюдая за происходящим.

Дима запрыгнул на ринг. Паркет под ним просел и скрипнул, едва не решившись на суицид. Дима поправил шлем, он очень хотел убежать, отвинтиться от Диминого затылка и с визгами умчаться прочь. Тоха не торопился. Он стоял у груши, поправлял бинты, хотя они вообще в этом не нуждались.

Диму даже немного жалко. Всё-таки напрасно он всё это заварил — теперь ни Тоха, ни тем более Свят от него ничего не оставят. Он ведь не самый плохой человек и тем более не лучший боец, хотя и занимается иногда в этом зале, я, когда заглядываю с Инной сюда, поиграть, его иногда вижу. В отличие от многих других у него имелась какая-то кривенькая, приклатнённая, доставшаяся по наследству от убитого в тюрьме отца и редких рыцарских книжек мораль. Вот уж действительно, «лыцарь» с большой дороги.

Думаю, именно этот готический душок — быть может, доставшийся ему от «Саги о Роланде» или «Песни о Нибелунгах» (навряд ли он читал что-то большее), — заставил его бледнеть, синеть, мертветь, но всё-таки идти на смертный бой.

Не скрою, я замечал, что он давно присматривался к Вере. Видел, как он выходил из школы и бегал с цветочком или конфеткой в столовую, как грустно, но не сломленно возвращался назад. Он частенько задерживался у раздачи именно в её смену. И теперь был готов сражаться за свою любовь с драконом, даже не подозревая, что Тоха ему в этом вопросе не соперник.

Дима, Дима... Я даже пару раз разговаривал с ним. Он имел склонность нахвататься всяких цитат, а потом расспрашивать меня об их смысле — имея про себя как бы поймать меня на

незнании. Думаю, у него была даже своего рода склонность к литературе, впрочем погребённая под крышкой его судьбы.

Как бы мизогинно это ни звучало, я не смог бы заставить себя вмешаться тогда, у раздачи — злодей тут Вера. Она имеет над ним абсолютную власть и, как мне рассказала Швабра, поставила условие: взаимность за деньги. Представляю, как наш уголовненький Дон Кихотик был сражён такой постановкой вопроса. Он и так скидывал ей косарь в неделю — всё, что у него было — но прямая монетизация была ему и не по душе, и не по карману.

Трагично! Прямо-таки драма! Впрочем, не знаю, что делал бы я, если б такое случилось с Мироновой... Так что не мне судить..

Тигран Киасоянович вышел на ринг вслед за бойцами, хмуро посверкал горской лысиной и сказал, с акцентом:

- Сэмихатев, шлэм не будешь?

Тоха покачал головой, затянулся сгашенным вишневым вареньем и бросил вейп в руки кому-то под рингом. Глаза загорелись. Из под ребер у него пробился далекий отзвук перхоты.

- Э, дэло твоё, но правила такие, в пэх не бить, пэ зэтыку тожэ! Начэли!

Тигран Киасоянович махнул рукой — и бой начался.

Дима рванул вперёд, широко замахиваясь, будто хотел срубить Тоху с одного удара. Тоха не отступил — он сместился на полкорпуса, и кулак Димы ушёл в пустоту, увлекая за собой его собственное широкое тело. Тоха мог бы ответить сразу — заехать так, что Дима лёг бы и не встал. Но не стал. Он отскочил, коротко ткнул Диму в грудь — небрежно, просто чтобы он неуклюже попятился, — и снова отошёл.

Дима двинулся вперёд, разбрасываясь замахами — они словно сами не желали попадать, себе дороже. Они недолго покружили. Дима выдохся. И тогда Тоха вернул удар — гиреподобно, коротко, без замаха, на противоходе, прямо по лицу, так что Дима всем своим избыточным весом шлёпнулся на пол.

Свят всплеснул руками и выкрикнул: «Дебил!»

Тигран Киасоянович метнулся к диме загибать пальцы, лысина сверкала ярко, радостно отплясывая посреди ринга, вместо чарлидирши и ведущего.

Тоха развернулся к Святу и с весельем в изгибе надбровных дуг и остроте скул подмигнул ему. Он с наслаждением измывался, зная о своём превосходстве и желая показать Святу - вот чего ты стоишь, я разматываю твоих без усилий.

В зале было тихо. Слышно только, как захлёбывается слюнями вентиляция под потолком. Кто-то выдохнул — коротко, как после удара ножом под ребра. Кто-то отвернулся скривившись, не исключено, что я, а может и Свят. Швабра опустила телефон — она в нем не сомневалась.

Недружба Тохи и Смирнова длилась с начала года, когда выпустился местный Эдуард Виндзорский, брат Свята — чей портрет всё ещё висел в зале славы. Свят остался за главного, но оказалось, что имени брата для Тохи мало. Черный принц над конетаблем оказался не властен.

Вдруг Дима охнул и пришёл в себя. С хлопом отлепил тело от ринга, тот не желал его отпускать и цеплялся за складочки до последнего, так что я заметил три потных пятна от груди и животика. Нужно отдать должное, силы духа Диме не занимать. Но Тоха, видимо, устал всем этим заниматься.

Первый удар пришёлся в корпус, второй — в челюсть, третий — снова в корпус, с хлопаящим звуком перемешивающихся кишок. Дима прижался к канатам, пытаясь закрыться, но Тоха пробивал его защиту, как картон. Удар-удар-удар-удар. Дима обмяк и сполз на пол. Больше не вставал.

Тоха стянул бинты и, легко перепрыгнув через канаты, направился в раздевалку.

Поверженному уже помогали встать, снимали шлем, что-то говорили. Он не отвечал. Просто дышал — тяжело, часто, как сбитый конным ударом рыцарь, упавший в грязь. Нос у него был разбит. Тигран качая головой уходил в подсобку, лысина сверкала пятками, удалясь.

Я подумал о Вере. Она, наверное, даже не знает, что он сейчас здесь лежит. Швабра встала, сунула телефон в карман и, не глядя на меня, сказала:— Ну, пошли его поздравлять? Я кивнул.

Выходя с Тохой из зала на холод, я видел как Диму тащат за угол.

По пути заглянул в расписание на следующую неделю. Первый урок в понедельник - геометрия, второй - алгебра, дальше география. На каком то из них она и придет.

Я подошёл к двери шахматной студии, приоткрыл её и замер на пороге. Внутри было тихо — только неспешно тикал горящий циферблат шахматных часов. Инна сидела за дальним столом, склонившись над доской. Яркие зеленые хвосты падали вдоль грустного выражения шейных позвонков. Настольная лампа выхватывала из полумрака её руки — мелкие, тощие, напряженно сжимавшие край стола.

— Ты опоздал, — сказала она, не поднимая головы. — Я начала без тебя.

Я молча сел. Рюкзак упал с глухим стуком. Пешка шагнула на e4 — её, я ответил на e5, всё это было механически, железно, как дыхание на аппарате ИВЛ.

Инна сидела за столом, склонившись над доской, и быстро, почти нервно, водила пальцем по виску, проверяя линию подводки. С утра стрелки получились слишком толстыми, судя по следам, по чуть размазанному черному цвету она смыла их несколько раз. Она стала рисовать их острее — словно пыталась компенсировать собственную мягкость.

— Прости, задержали, — оправдался я.

— Выглядишь так себе, — она бросила на меня короткий взгляд.

— Спасибо. Как всегда очень мило.

Она весело прыснула и сделала второй ход: конь на f3. Я автоматически ответил: конь на c6. В голове упрямый, как герой социалистического труда человек доламывал последние обломки моей мозговой коры — даша, да-ша, даша.

— Мой ход — слон c4, — объявила Инна, передвигая фигуру. — Ты уже знаешь, что это за партия?

Я пожал плечами, не глядя на доску.

- Неприпоминаю.

Сделал ход пешкой на d6 .

— Партия Морфи, — сказала она с лёгким превосходством, радуясь возможности про-светить меня. — «Оперная». Морфи играл в Париже против двух любителей, и всех уделал. Я хочу повторить. — Она ткнула пальцем в доску. — Смотри и учись.

— Зачем? Мы вроде разминаемся, а ты уже на такое замахиваешься.

— Для тебя — разминка, — она передвинула пешку на d4, и я автоматически взял её слоном на g4, прижимая её коня. — А для меня — подготовка. Я должна чувствовать каждую клетку, в каждой партии.

— Поражаюсь, как серьёзно ты к этому относишься, — сказал я, отодвигая своего коня.

— Это ты слишком легкомысленно, — она сделала ход конём на d5, жертвуя его, и откинулась на стуле, сцепив руки на груди и радостно оскалившись. — Ты даже не смотришь на доску! А у тебя уже висит пешка!

Хм, какой она взяла тон, как у этакого провидца, доброжелательно подсказывающего совсем уж неумелому противнику что делать, дабы он не позорился слишком сильно.

Я опустил глаза. Действительно, моя пешка на e5 была под боем. Надо было что-то пред-принимать. Но доска рябила частоколом сливающихся в одно фигур и я едва мог сосредото-читься. Я машинально защитил пешку конём, но Василиса уже атаковала по-другому — слон

взял коня на f3, я взял ферзём, она рокировала. Плохо. Все сыпалось, но я не имел внутреннего ресурса чтобы собраться и дотащить партию хотя бы до ничьи.

Мы играли дальше. Инна двигала фигуры уверенно, агрессивно, тем же тоном комментируя каждый ход:

— На седьмом ходу Мерфи пожертвовал пешку, на девятом — коня. Все наверное думали, что он дурак. А он видел на двадцать ходов вперёд.

- Ты так им вдохновилась?

- Еще бы! Это же великолепно!

Я думал о Даше, о том, как она войдёт в школу, как я буду стоять и смотреть на неё, не в силах вымолвить ни слова. Инна передвинула ладью, и я едва заметил, что моя пешка на d6 осталась без защиты.

— Артём, — голос Инны стал резче. — Ты опять отвлёкся.

— Прости, — я переставил коня, пытаюсь закрыть слабость.

— Ты проиграешь, если не будешь смотреть, — она передвинула слона на b5+, и я автоматически прикрылся конём. — Смотри, я жертвую ещё одну фигуру. Решай!

Я нахмурился.

На доске оформлялось что-то нехорошее. Мои фигуры скучились на королевском фланге, а белые лавиной наступали по центру. Инна говорила, а я пытался удержать позицию, но руки действовали сами, без теории.

— Ты должен был взять мою пешку на e5, — сказала она, делая ход. — Это еще могло тебя спасти, но нет. Теперь я жертвую ферзя.

Она разжёвывала каждый ход, будто я первоклассник, а не тот, кто год назад обыгрывал её всухую. От этого объяснительного тона внутри закипала ртуть, но за пределы разгоряченного сознания гнев не вышел, опрокинулся и вышел через легкие волной горячего воздуха.

— А теперь — ферзь, — сказала она, и её палец подтолкнул под зад белую королеву. Та скользнула на b8, добровольно оставляя себя на съедение. Я поднял глаза — она улыбалась, но в улыбке было что-то от мясника, который готовится отрубить парасенку последние два копыта.

Я взял ферзя, чуть не выбросив со стола, и доска ахнула тишиной, убитые пешки в ужасе покатались на пол.

- Хватит комментариев, ты объясняешь все так, как будто перед тобой Лера, а не я.

— Поздно, Артем. Это была хорошая пратия, — она смотрела на меня с вызовом. — Морфи пожертвовал ферзя, чтобы открыть линию для ладьи. Я поставлю мат.

Я уставился на доску. Мои чёрные фигуры были разбиты, король в центре, а белая ладья и слон образовали непроницаемую сеть. Мат в три хода, а я даже не заметил, как это случилось.

— «Мат Морфи», — сказала она, откидываясь на спинку стула с довольной гримасой. — Ты проиграл!

Оцепенелого сознания коснулся приступ каблука ее туфли из под стола. Я молчал. Внутри рождалась рвота — от неспособности нормально собраться и дать отпор. Я даже не боролся. Просто проплыл мимо, вниз, по водопаду, навстречу падению, как всегда.

— Зачем ты вообще пришёл, если не хочешь играть? — спросила она. — Я знаю, что тебе не нравится, когда я играю так, как с Лерой, но это единственный способ привести тебя в чувство.

— Может, не хочу.

— Или не можешь, — она прищурилась. — Сколько лет назад ты играл, пять? Совсем сдулся. Или может быть ты не хочешь играть нормально, чтобы меня не расстраивать?

Она наклонила голову, глаза, приподнявшись, глянули исподлобья. Инна как-то просяще, вымученно от непонимания сказала:

- Скажи честно, я играю слабо?

Я поднял на неё глаза. Мне было стыдно, что я играл несерьёзно и вконец запутал её. С кем ещё ей играть? В этой школе игроков нашего уровня раз два и обчёлся. Она не может определить свою реальную силу.

- Нет, отнюдь - я подумал и добавил. - но все таки недостаточно. Честно сказать, при желании я бы победил без проблем. Извини.

Она смотрела с усталым пониманием, будто дгадывалась какой будет ответ, и в этом взгляде не было жалости — была зависть. Лёгкая, почти незаметная, но я её чувствовал.

Она с улыбкой потупилась, покивала, погоняла воздух во рту, выдохнула.

— Я знаю, что фестиваль для тебя, важно. И я тебя понимаю, у меня такая же дилема, если я пройду дальше, — сказал я, — то поеду в Москву. Я не увижу Дашу. Не увижу никого. А если не пройду — подведу всех. Родителей, школу. Виктора Витальевича. Так что я тебя понимаю.

— Такое себе сравнение, Ты всегда ставишь себя в рамки, — не оборачиваясь, ответила она. — Либо то, либо это. У меня все не так драматически.

— Инна...

— Не надо, — она взмахом руки оборвала меня. — Ты прав, я слишком серьёзно к этому отношусь. Но у меня несколько иная ситуация, ты может не знаешь.

Она хихикнула и продолжила, все сильнее обозляясь из за моих слов:

— Это нечестно, — сказала она, и голос её дрогнул. — Если я проиграю турнир — всё. Меня нет. Родители перестанут платить, тренер уйдёт. А ты... — она усмехнулась, но без злости, — ты можешь плюнуть на олимпиаду и сказать: «Даша ждала». И все поверят. — Она прикрыла глаза, изобразив директрису: — «Он талантлив, но ему было ску-у-учно». А я, если проиграю, — она рубанула ладонью воздух, — я просто ебаная неудачница. И точка.

Она встала, повернулась к окну. В темноте стекла, на фоне шкафа с досками, отражался её силуэт — маленький, хрупкий, неестественно прямой, как у пионера.

Я молчал.

— Я не знаю, что тебе ответить — сказал я наконец. - Ты права.

Она усмехнулась — коротко, беззлобно.

Пол минуты, минута, полторы. Я сидел молча. И вдруг, как то нерешительно, чувствуя за собой вину, проговорил:

- Ну, если хочешь, можем встречаться после уроков, я тебя поднатаскаю чутка.

— Иди домой, Артём. Сегодня от тебя уже нет толку. Спишемся, спасибо за предложение. Я поднялся. На доске красовался мат «Морфи» — в котором я увяз, как овод в варенье.

Глава 4. Даша Миронова

Ливень, похоже, назло мне, опрокинулся и смыл людей. Мокрый снег таял. Народ распихался по щелям. Из-за стёкол автобусных остановок, многоэтажек и полуподвальных заведений люди смотрели на меня унылыми глазами. Я знаю, как я выгляжу. Хватит.

Считаю лужи — семнадцатая, восемнадцатая — не наступаю. Одежда промокла и отяжелела. Одна назойливая капля приземлилась на щеку, прокатилась по шее — под чокер. С раздражением поправила его, рискуя напороться на шипы. Калечный зонт не спасал и только прогибался под силой ветра, стучая меня по глазам безногой стороной.

То в одной, то в другой бегущей мимо луже я видела своё смазанное лицо. Сука, словно специально именно в тот день, когда я иду туда. Отвратительно... Обводка вокруг глаз истаяла и тёмными разводами стекла до скул; тоналка скаталась, и из-под бледного оттенка начало проступать предательское тепло с мелкими, распухшими пятнами. Чёлка растрепалась и сбилась на сторону, окончательно превратив меня в промокнувшее колхозное пугало.

«Выгляжу, как объёбанный пьеро, — очередной раз заглянув в лужу, с грустью подумалось мне, — только стремнее».

Наконец-то дотопала до школьных ворот, зашла в калитку. Всё то же громадное двухкорпусное здание. Мокрый двор с облезлыми деревьями, вереницы школьников затягиваются вовнутрь, я среди них.

Блять, уже смотрят, все они уже смотрят! А я ещё даже не внутри.

Перед входом на перилах сидел Семихатов, рядом, облокотившись о них, стоял Артём Седых. Господи, как непривычно видеть знакомые лица. Интересно, как ониотреагируют на меня, может, всё ещё не так плохо?

Артём выглядел безучастным, пока смотрел на меня. Тоха разглядывал с весёлым любопытством, скалясь как всегда. Как же меня это бесит, это любопытство. Но больше меня бесит это снобское выражение у Артёма — ему будто лопатой по затылку вмазали, и он остолбенел, впад в кому, не закрывая глаз. Бесстрастно. Как будто смотрит на пустое место. Точно, он же у нас зубрила, куда ему до простых людей.

Семихатов ткнул ладонью Артема в плечо, тот несколько секунд с тоской глядел на меня, а потом всё так же бесстрастно сказал:

— Привет, Даша, рад, что ты вернулась!

Что за тон! Меня как ошпарили, с какой же натугой он это произнёс. Неужели так трудно смотреть на меня и даже сказать «привет» для него — тяжесть? Господи, да как я могла даже подумать, что всё неплохо, дура. Даже этот просто из вежливости едва выдавил, а Семихатов и вовсе просто скалится.

Нет, нахуй мне не нужны такие приветствия. Тоже мне, как заговорил! Местный любимчик администрации. А ведь до этого даже не подошёл ни разу, с чего это такая вежливость? Не ожидала, что он будет первым, вообще не ожидала, что ему будет дело. Ладно. Насмешки — сразу, это я знаю. Не знаю, в чём суть этой, но пресекать надо сразу.

— Рад? — я замедлилась на секунду, с клокочущей между кишок злобой. — Мы почти не знакомы, радуйся один и не лезь ко мне.

Винты во рту заныли, слишком широко и зло улыбнулась. Прошла мимо. С тоскливым вызовом любому, кто захочет сказать мне о моих дефектах, переступила порог.

Хромаю с вызовом, не опуская головы. В коридоре — гул, смех, запах булочек. Иду не глядя по сторонам. Считаю шаги: три, семь, десять — до раздевалки. Двенадцать, пятнадцать — до шкафчика. Не смотреть, не обращать внимания. Не останавливаться. Всё, я здесь. Сзади послышалось: «Господи, что с её лицом...», «это пизда...».

Вздрагиваю, как от удара током, горячо выдыхаю. Ох... неожиданно и беспощадно. В голову ударила волна термоядерной злобы: какого хуя, я же только зашла, всё ведь не настолько плохо, да? Нет, всё плохо. Пора принять, что теперь всё будет по-другому. Переодеваюсь, с трудом стягиваю мокрые ботинки, морщась от боли в ноге.

У стены напротив, туго перетянутый рубашкой, похожий на вязаную колбасу парень, уперев ногу о скамейку, с невозмутимым видом чистил апельсин. Резкий цитрусовый запах вокруг него перебивал все остальные.

Прямо у своего шкафчика на низкой скамейке, сгорбившись над кроссовкой, сидела Катя. Она мяла пальцами шнурки, пыталась соорудить бантик, но он то и дело рассыпался.

— Опять шнурки! — с досадой шипела она, неприязненно глядя на свои руки. — Привет, кстати, давно тебя не было!

Катя с детства никак не могла научиться завязывать шнурки. В младших классах над этим смеялись, я ей помогала. Для неё это было расстройство моторики, она была неуклюжей: вечно роняла ручки и спотыкалась на ровном месте. Припоминаю, как она просто перестала переобуваться, чтобы не встречаться со шнурками. Охранник это заметил, сделал предупреждение, а в следующий раз отвёл к директору. Потом она перешла на липучки и вот — опять на шнурки. От этих воспоминаний чуть потеплело.

— Помочь? — взглянув на Катю, спросила я.

— Спасибо, — Катя улыбнулась, и её лицо озарилось благодарностью.

Я молча встала на здоровое колено, взяла тёплые, уже немного оборванные на концах шнурки и быстрым, отработанным движением завязала крепкий двойной бант.

— Вот, — сказала я, подтянув узел.

— Красиво. У тебя даже в таком состоянии получается лучше, чем у меня.

В «таком» состоянии. Спасибо, Катя. Вот и думай, комплимент или нет.

— Чего ты опять за шнурки-то взялась?

Она скривилась и махнула рукой:

— Да, на районных соревнованиях споткнулась о шнурок, трижды. Тренер сказал, чтоб училась.

Потом её не хотели принимать в волейбол из-за этой же неуклюжести. Два года она занималась с врачом. Теперь остались только вот такие мелкие недочёты. Слава богам, что она осталась со мной такой же непосредственной, как всегда.

Мы помолчали. Вязанка прыгал на одной ноге, натягивая ботинок, не удержал равновесие и повалился на пол, тихо ругаясь. Апельсинка, зажатая в кулаке, прсынула горьким соком. Он встал, бросая на нас короткие взгляды и заливаясь густой краской.

— Что про меня говорят?

— А, — она махнула рукой. — Ничего хорошего.

Я киваю. В принципе, это ожидаемо, но я надеялась, что не всё так плохо, наивно, видимо.

— Ну и хуй с ними.

Катя хмыкнула, но не ушла. Она плюхнулась на пол рядом со мной, прислонившись спиной к шкафчику, и задрала голову на меня снизу вверх, как в детстве.

— Ну и как ты теперь на физру? Будешь просто сидеть?

Я усмехнулась, перебирая её шнурки — уже завязанные, ровные бантики.

— Мне доктор сказал: «Нагрузки только на руки». Теперь хожу в качалку, тренирую бицепсы на койке. — Я показала руку, за последние полгода отощавшую до кости, согнула её, и мы обе заржали. Я даже забыла, что рёбра болят, когда так смеюсь, взхлёб.

— Как в больничке хоть кормили, нормально? Ты выглядишь, как скелет. У нас в столовке этот плов — жёсть.

— О, это отдельная песня. Я похудела, потому что первый месяц вообще есть не могла нормально, меня с трубочки кормили. Знаешь, в моей легендарной 6-й палате со мной лежала девочка Лиза, ну ты её не застала. Я уверена, про нас там теперь легенды будут ходить! Она на второй день притащила с собой орехов, сухофруктов и банку мёда. И мы с ней устроили схрон под кроватью. Прятали йогурты, яблоки, даже шоколадки. М-м-м... А как медсёстры зверели, помнишь, Диану «обдолбаевну», я тебе показывала, когда ты приходила. Она обыскивала нас! Но Лиза в гипсе сделала углубление и прятала туда конфеты. — Я махнула рукой, показывая, как мы это делали, и Катя залилась смехом. — А потом и вся палата подключилась.

— А кто она?

Я прищурилась, вспоминая.

— Хм, по-моему, легкоатлетка.

— О! Елизавета Сестрорецкая? Она же у одного со мной тренера занимается! Я слышала, что она ногу сломала!

Катя задумчиво покрутила бантик на своей кроссовке.

— А она ещё там? Лиза?

— Нет, её выписали на две недели раньше. Но она приглашала меня в спортшколу. — Я улыбнулась, и внутри стало тепло. — На тренировку.

Катя толкнула меня в плечо.

— Да конечно приходи, я поговорю с Леной насчёт этого, когда встречусь.

— Спасибо.

— А ещё чё было? Ты же там не только страдала, да?

Я закатила глаза, но улыбка растянулась сама собой.

— Хм, ну ещё была Киселёва. Она подралась с Зайцевой прямо в палате, ну ты их видела, понимаешь, что там было.

— Боже, вы там с ума посходили совсем! — она лукаво улыбнулась и засмеялась, когда я показала, как это выглядело, так словно два слонопотама сношались между коек.

— Представляю! Два босса сошлись!

— Ну а что делать? Лежишь, не двигаешься, мозги закисают, а тут вон двое увечных дерутся, зрелище!

— И кто победил?

— Да ничья, медсёстры растащили. Хотя, ей-богу, с трудом!

Я замолчала, уставившись в пол с весёлой лыбой. Катя сидела рядом, молчала, и в раздевалке было слышно только, как за окном шуршит дождь и наш смех, затихая, раскатами отдаётся в ушах вязанки. Как же мне этого не хватало. После больницы, пока лечилась дома, я почти ни с кем не общалась.

— Ладно, пошли. А то сейчас звонок.

Катя встала, протянула руку, помогая мне подняться.

Она похлопала меня по плечу и виновато попрощалась, оставив необременительную пустоту. Я осталась сидеть, слушая, как дождь за окном набирает силу. Вязанка вытирал влажные пальцы о чью-то куртку и спешил уйти. Десятиклассницы, закончив с тик-током, оживлённо обсуждали что-то, собирая вещи. Прозвенел звонок.

Закрываю шкафчик. Проверяю, на месте ли телефон. Иду в класс. Считаю брошенные взгляды. Двадцать семь, слишком много. Открываю дверь.

— Даша! Привет! Садись-садись-садись! Мы рады, что ты вернулась! Присаживайся-присаживайся!

Протез смотрел смущённо и суетился, не зная, куда себя деть. Он мялся и крутился у доски, не закончив писать, и всё старался от меня отделаться, посадив уже наконец куда-нибудь. Я неспеша, чтобы хромота была не так заметна, прошла до середины класса, встала у своей парты, самой козырной, рядом с окном, выходившим на небольшой бульвар ветеранов,

на котором всегда творилось что-то прикольное. Я чувствовала, как несколько взглядов проводили меня до первой парты, я уже не считала. Рядом с Бессоновой сидела, подло отвернувшись, Карина.

Бессонова подняла взгляд и, виновато улыбнувшись, сказала:

— Извини, я не знала, что ты придёшь! Но сейчас уже поздно пересаживаться, так что сядь куда-нибудь ещё.

Меня отвлёк блеск глаз из-под соседней парты: там, на полу, прилипнув к полу животом и рожей, лежал Пипа, медленно подползая всё ближе к учительскому столу. Плоская, как у рыбы-капли, тупая рожа без улыбки пялилась на меня. Я отвела от него глаза и сказала:

— Хорошо, на следующей геометрии займу, посиди пока.

Сзади, с третьей парты, раздался спокойный голос. Я не оборачиваюсь, но знаю — это Марк.

— Не займёшь, Лена там уже полгода сидит, всё, не твоё место, — голос у него вялый, но весь класс слышит. — Садись где свободно и не выёбывайся, калясочница.

Кто-то давится смехом. Я смотрю прямо перед собой.

Протез дёргается, берёт мел, но не пишет. Он хочет сказать что-то, но не знает что.

— Понятно? — спрашивает Лена Бессонова. — Садись вон к Пипе, самое место, Аса подвинется.

Свят сидит через ряд. Он смотрит на меня, потом на Марка, и лицо у него такое, будто он хочет что-то сказать, но не может. Он просто сжимает ручку.

Я перевожу взгляд с Лены на её парту. На её месте. На то, как она развалилась, как будто это всегда было её.

— Я сяду здесь, — говорю я. Негромко.

Лена поднимает глаза, улыбка становится чуть шире.

— Даш, боже, ты не поняла? — Она кивает в сторону пустой парты у окна, но дальше, в углу. — Тебе не будет больно, если кто-то заденет ногу?

Она говорит «ногу» так, будто это что-то грязное.

Карина наконец поворачивается. Смотрит на меня. На её лице нет злости — только холодная пустота. Как будто я для неё уже не человек.

— Даш, правда, сядь, — говорит она ровно. — Хватит истерить из-за ерунды, истеричка блин.

Тоха, протягивая руку в сторону свободной парты перед ним с Седых, говорит:

— Садись.

— Даша, Даша, давай вот сюда-сюда! На первую парту пока. — суетится протез.

Проигнорировав предложение Тохи, я села туда, куда предлагал Протез. Лена скривилась — она ожидала, что я уйду в угол. Но первая парта — это хуже: меня видно всем, и её победа неполная, что ж, пусть так. Пипа, так и не добравшись до учительского стола, перевернулся на спину и устался в потолок. Казалось, голова у него как блинница и скошенный лоб достаёт до пола, когда он лежит.

Меня посадили рядом с худенькой восточной девочкой с огромными серыми глазами, которая ковырялась в тетрадке и постоянно рисовала что-то из аниме. Тихая, странноватая, она повернулась ко мне и, перевёрнуто улыбнувшись густыми бровями, испуганно сказала: «Привет!» Дарьяна, кажется. Я поздоровалась в ответ.

Протез согнал Пипу из-под парты, и тот убежал, пытаясь стянуть с себя штаны, наверное в туалет, а Протез принялся быстро калякать что-то на доске. Я была опустошена.

Глава 5 Артем. Седых

Атомный взрыв. Ядерный дождь. Урановая гроза. Крах надежд, смерть любви, последняя слеза.

Ничего этого, пожалуй, не было.

Ещё глядя на неё, хромающую с зонтиком под дождём, я понял, что говорить с ней — плохая идея. Становилось ясно, что она снова изменилась, и изменилась страшно.

Но ты знаешь, я всё же в печали. Прости, что тебе придётся выслушивать выверты моего атеистического сознания, но ведь это твой святой долг. Я расстроен не потому, что меня отвергли и разорвали на клочки, потопили мои старания (Боги праведные, какие там старания!?), нет, ни в коем случае. А потому что я наконец должен признаться тебе в том, что и так, конечно, ты знал.

Да, я сотворил себе кумира, каюсь, отче.

Наверное, потому что она, в отличие от меня, смогла. Она разорвала тенёты, которые я не могу даже пошевелить. Ты не представляешь, как я смотрел на неё тогда, когда она пришла в школу после десятого класса. Я обзавидовался до скрежета мечей. Конечно, отче, ты не преминешь упрекнуть меня в лукизме и верхоглядстве. Но ведь внешнее во многом отражает внутреннее, как бы тошнотворно это ни звучало. Да, сначала я заметил внешние перемены, но ведь они вызваны движениями души. Звучит как оправдание, знаю...

Эти движения были брошены всем в лицо без прелюдий, мартинсом и ньюроком вбиты в глазницы, так, чтобы каждый понял, что она теперь не «уебище», а «Миронова», и если ты не понимаешь это, то идёшь нахер с волшебным пинком под зад. Не удивительно, что к ней потянулись.

И всё-таки потянулись не те, вот что бывает, когда не знаешь, с кем тебе лучше. Может, просто мало опыта, откуда он у той полноватой девочки со второй парты у окна с проблемной кожей и длинными, почти до пояса, волосами, разве что гик-сообщества готов где-то в сети. Хотя я говорю это, так, будто знаю с кем ей лучше. Или может неосознанно намекаю на себя? Людям свойственно ставить себя в центр, прости меня, я этого не избегнул. Но факт в том, что теперь она — одна. Что она будет делать?

Что же, мой Вергилий, я вижу, как ты скривился, как пошёл морщинками твой тонкогубый рот. Ты хочешь, очевидно, спросить меня, к чему весь этот набоковский монолог, пафос, зачем я строю воздушные замки и создаю несуществующих святых отцов, к чему всё это, для чего?

Нет, не начинай, я скажу сразу, если ты Вергилий, это не значит, что я — Данте. Со мной всё ещё не настолько плохо. Всё просто: я снова, снова уваливаю. Ты ведь уже знаешь, что я слабак. Ты видел, как я стоял у входа, когда она вошла. И ты, наверное, думаешь: «Ну и что теперь? Опять будешь страдать — да?» Я знаю, не надо напоминать, это не делает тебе чести.

Пойми, я никак не мог подойти к ней, потому что где-то внутри здоровое зерно, логос, твердил мне настойчиво, что тогда я разочаруюсь, что та икона, которую я себе напридумывал, размажется, обесцветится до парсунки и в конечном итоге оставит меня одного.

Логос ошибался.

Ведь как ни металась в моей душе постсоветские тени бюджетных мелодрам, я всё же не смахиваю на Ромео. И как бы ни преувеличивались невольно мои чувства посредством русского языка, я всё-таки не настолько разбит. Нужно быть совсем глупцом, чтобы не понимать — ничего не бывает так просто. В этот раз все тоже вышло сложнее.

Я поднял глаза.

Запах плесневелой дрожжевой тоски стыл в воздухе. Мы сидели кольцом за сдвинутыми в углу столами. Мне было трудно смотреть на неё, но я заставил себя. Она прохромала от стойки до края нашего стола и поставила свой поднос там, где сидела раньше, — у окна, на том самом месте, которое уже пол гоа занимала Лена. Несколько девочек удивлённо, но приветливо с ней поздоровались, она пыталась влиться в старую компанию, но я видел, как напряжены её плечи.

Рядом Тоха с Даней ржали над не пришедшим сегодня Димой, лицо того, по словам Дани, распухло и стало круглым, как у боксёрской груши. Он был низвергнут со Святиного олимпа и до сих пор не вылезал из своего Аида.

- Ахереть, Швабра выложила видео, ну как ты Диму отпинал! Это пиздец, чел, ты чё творишь? От тебя же теперь не отделаются! — Даня, бледный хорошист из параллели, восторженно вскидывал необъятные рукава и размахивал ими как мельница.

— Пусть пробует. — Тоха пожал плечами, забрасывая в рот ломтики солёного огурца.

— А норм вообще, что это в сети? Мы всем классом хохотали, это просто посмешище! А он ведь ещё и боксер, разве нет?

— Я не помню, он новенький у Свята. Да и боксёр боксёру рознь. Видишь, кого он теперь набирает. Мне, кстати, по поводу этой записи из спортшколы звонили, приглашали прийти, с тренером побеседовать.

— Хера, это которая? - спросил Даня.

- Там где Катя Белокрылова занимается, как её, восьмая что ли...

Я уже не слушал. Моё внимание переключилось на Миронову. К одиноко сидевшей Мироновой подошла Лена. Она одевалась в милитари-стайл и обычно ходила в огромной, похожей на мундир куртке, так что выглядела как косоплечая вешалка с батиной одеждой. Сейчас она ограничилась джинсами и камуфляжной майкой. Но это делало её ещё более хищной.

Она подошла одна, без подруг. Плохой знак. Зная её манеры, за Миронову становилось страшно. Она наклонилась, с вежливой улыбкой, что-то сказала, её голос заглушил шум столовой. Даша усмехнулась и оскорбительно коротко бросила:

— Забудь, я тут сижу.

Лена удивлённо приподняла брови, в предугаганно-сумрачном холоде её взгляда скалилась острота. Девочки за столом замерли, с интересом наблюдая за этим. Одна из них, мило улыбнувшись, сказала:

— Лен, если хочешь, можешь поставить себе стул, вон возьми у Пипы.

Я машинально посмотрел на крайний столик. Пипа — один из местных уродцев — сидел так, будто гравитация сплющила его в лепёшку, ягодицы не вмещались на сидушке и выплёскивались наружу жировой волной. Он ел яблоко, но делал это как-то неловко: сок стекал по подбородку, капал на стол и стекал на пол.

Ох уж эти токсичные псевдоэлитарии. Впрочем, в мире слабоосмысляемом — в мире школы — правила грубая сила.

Лена снесла всё, что было на Дашином столе, опрокинув это на неё. Поднос с грохотом упал на пол. Компот разлился по линолеуму, плов с гуляшом расплзся жирными пятнами. Даша рванулась вверх, вся в разводах супа. Она удивительно быстро метнулась к соседнему столу, схватила чей-то стакан с какао и выплеснула его в лицо Лены. Горячая коричневая жижа флегматично потекла по лицу, шее, забираясь под лямки майки.

Я вдруг вспомнил, как впервые увидел её после лета. Тогда она стояла у входа в школу, курила и смеялась вместе с Леной, — они только что сдружились. Свободная, недостижимая. Я думал, что она — та, кем я хочу быть. Но сейчас я видел: та Даша была моей химерой. Вот она — настоящая. С хищным выражением в поведённом горбинкой носе, напряжённая хромота.

Столовая взрывалась — миномётный огонь смешков, пулемётная стрельба шуток, вытянутые лица, любопытные взгляды, взгляды, взгляды... Я по старой памяти обратил внимание

на Шмака. Он сидел с краю, сжав руки под столом — я заметил, что он последнее время носит перчатки.

Из-за стола Свята слышался крик:

— Сука, Свят, я её убью! Блядская инвалидка!

Оттуда, белой вспышкой, Марк мчится, лавируя между тел.

— Стой, блять, дебил! — Свят вскакивает вслед за ним, но не успевает остановить.

Марк впал в бешенство. Я видел его лицо — он не остановится. За Лену он готов был бить, даже если бы его самого потом тащили в полицию.

Я поворачиваюсь к Тохе, моему Deus ex machina. Столько мольбы, столько вселенской тоски: «помоги... Помоги... ПОМОГИИИИ!!!» — в моих глазах. Уже через треть секунды он, выдыхая вишнёвый дурман, стоит рядом с Дашей, отгораживая её ладонью одновременно от Лены и от зевак.

Через секунду подлетает Марк. Тоха резким движением отбрасывает его в сторону, так что он со всей инерцией влетает в чей-то стол, сносит пару стульев и несколько тарелок. Грохот, звон, чей-то вскрик. Я стискиваю зубы. Да, отче, ты прав, я снова просто смотрю.

Ещё пара секунд — и тройка десятиклассников вместе с Рытовским не дают Марку подняться, обступают место происшествия, чтобы предотвратить дальнейшую драку.

Даша смотрела на Тоху с удивлением — она не ждала помощи.

— Спасибо, — сказала она коротко. — Не ожидала, честно говоря.

— Вон его благодари, — он небрежно машет в мою сторону.

Она кивает, отряхивается, уходит. Я смотрел ей вслед. Она уходила, хромая, с супом на джинсах — и я смотрел. Внутри меня что-то дрогнуло. Проходя мимо меня, она сказала «спасибо». Пусть не я её рыцарь, пусть это Тоха, но ведь я уже где-то рядом, я причастен, это уже прекрасно.

Тоха оттолкнул от себя лысого парня Свята, вернулся к нашему столу, снова затянулся вейпом — глубоко, яростно, так что вишнёвый пар вырвался из него клокочущей ягодной аурой. Глаза его блестели. Он был в ударе. В том состоянии, когда ему всё равно на последствия, когда он чувствует себя безнаказанным.

Он смеялся. Громко, на всю столовую. Над Леной, которая стояла у своего стола и пыталась совершенно спокойно, без тени гнева стереть с шеи подтёки какао. Над Марком, который только успел подняться и ненавидящим взглядом, как молнией, бил в Семихатова. Над всеми, кто смотрел на него с испугом, непониманием или симпатией.

— Видели их? — крикнул он, обводя рукой всех участников перепалки. — Как обоссались, ей-богу! Все в дерьме! Кушайте — не обляпайтесь!

Миронова следовала к выходу из столовой. Тоха развернулся, поднял стакан с компотом и отсалютовал ей вслед, прежде чем сделать большой глоток. Я судорожно, чувствуя себя ненаходчивым и вторичным, повторил этот жест. За мной последовали некоторые другие.

Свят стоял рядом с Марком. Я видел его лицо — оно было напряжённым, бледным. Он смотрел на Тоху, потом на Марка, потом снова на Тоху. И вдруг, словно приняв решение, он медленно, демонстративно, поднял стакан с компотом.

За Миронову.

Даша к тому моменту уже вышла. Но Свят поднял стакан в её сторону. Я видел это. Все видели это.

Марк увидел тоже.

Катя, взглянув на Свята, тоже подняла стакан — робко, но заметно. Вслед за Святотом, повинаясь некому разрешению или не желая отставать от лидера, подняла стаканы добрая половина столовой — кто с вызовом, кто с облегчением.

— Ты чё, Свят! — закричал Марк, вырываясь из рук парней Рытовского. — Эта сука ебаная облила Лену! Хули ты ей кружкой тыкаешь, как будто она не сотворила сейчас лютую хуйню?!

— Подожди, Марк... Она спокойно сидела, это Лена начала.

— Она блять заняла чужое место! Её там несколько месяцев не было! И после этого вот такое!? Сука, я бы и Семихатову мозги вправил! Че он делает? Она же только что на всю столовую Лену опустила, а он ей салютует! И главное — ты! Ты тоже! Ты что, блять, за неё?! За эту инвалидку?! А я? Ты че так друзей готов ради бабы оставить?

Свят молчал. Он сжимал стакан и молчал. Я видел, как на его скулах заходят желваки.

Тоха засмеялся ещё громче. Рытовский стоял неподаёку и смотрел на Свята с улыбкой. Свят это чувствовал. Весь стол Свята это чувствовал. Они стояли на грани унижения, и Тоха раскачивал столовую, как лодку в шторм.

Свят колебался, его чернопринцное правосудие металось, не готовое сделать выбор.

— Вован, ты-то чего лыбишься? — бросил Тоха, глядя на Рытовского. — Тоже считаешь, что я прав?

— Я считаю, что это пиздец, — сказал Рытовский, уклоняясь от прямого ответа. — Лена с Дашей устроили цирк, а ты всех отпиздил — смех один!

Свят медленно поставил стакан. Встал. Марк замолчал, глядя на него. Весь зал смотрел на него. Суд вынес приговор.

Свят с истинно венценосной уверенностью натянутой на лицо, медленно направился к Тохе. Тоха поднялся ему навстречу — выше, гибче, увереннее. Свят не смотрел на него. Он прошёл мимо, обернулся на Рытовского, и тот, усмехнувшись, опустил глаза. Свят сел за наш стол.

Тоха хмыкнул, тоже сел. Будто только этого и ждал.

— Блять, Семихатов, ты хули делаешь? — спросил Свят тихо, но так, что я услышал.

— Что тебя не устраивает? — Тоха оскалился, чуть наклоняясь.

— Какого хера ты провоцируешь Марка?

— Ну хочется мне, понимаешь? Смешно мне! Я веселюсь! Что нельзя? Запретишь? А?

Тоха наклонился ещё ниже. Я видел, как напряглись его плечи — он готов был ударить в любой момент. И Свят это видел. Он смотрел в глаза Тохи, и в его взгляде мелькнуло понимание: этот человек не боится никого и ничего. Он ударит, если захочет. И будет смеяться, пока Свят будет лежать на полу.

Свят медленно отвёл взгляд.

— Семихатов, ты понимаешь, что тебе пизда?

— А может, тебе пизда? — Тоха улыбнулся. — Вон как тебя свои же прессуют. Что ты мне сделаешь? И не думаешь, что я тебе и всем, кто тебя нахуй не пошлёт, сделаю?

Свят расширенными глазами смотрел на него. Он не ожидал такого. Никто из нас не ожидал. На секунду повисла тишина — такая, что слышно было, как у Дани колотится сердце.

Я сидел в метре от них, сжимая стакан, и в ужасе прокручивал варианты того, что может случиться дальше.

— Твой Марк сейчас чуть не отпинал девушку, которая и так еле ходит. Если так хочет подраться, я всегда тут. Это ж ты за ним не уследил, не? Я в чём-то не прав?

А потом в столовую вошла Анка, завуч, которую чуть ли не под ручку вела Швабра.

Она появилась в дверях, и весь гул стих. Седой ёжик на её голове, очки с толстыми линзами — она посмотрела на столы, на разлитый компот, на какао на полу.

Свят медленно поднялся. Он взял мой стакан, допил компот до дна и, ставя его на стол, сказал:

— Ну, кому пизда — мы ещё посмотрим.

— Иди нахер

И ушёл, не оглядываясь. Марк пошёл за ним. Рытовский проводил их взглядом и снова повернулся к Тохе.

— Семихатов, а ты живучий, — усмехнулся он.

— Знаю, — Тохе затыкнул вейпом и выпустил вишнёвое облачко в потолок.

Я опустил взгляд на кривенький и явно у кого-то украденный стишок, выцарапанный на столешнице:

«Мы — отвратительно разбиты

Мы — обгорелые тела!»

А потом было разбирательство. Анка о чём-то говорила со Шваброй, кивала головой, в конечном счете заставив каких-то восьмиклассников всё убрать. Я растерянно наблюдал, как они собирают осколки, как поднос, опрокинутый Леной, уносят на кухню. Швабра стояла рядом с Тохой и что-то быстро, шелестяще выговаривала ему, а он кивал, глядя сквозь неё. Впрочем, отче, это уже не важно. Важно то, что я почерпнул для себя из этого происшествия.

Теперь тебе, конечно, понятно, почему я не плачу навзрыд и не утираюсь бархатным платком: оказалось, что моя икона, как любое плохое изображение, меркнет перед реальностью. Странное дело: она в таком положении и всё ещё имеет силы что-то делать, она способна на отчаянные поступки — это меня в ней и привлекает. Впрочем, что-то я разболтался, прости, этот рассказ вышел слишком длинным. Я говорю «прощай», хотя знаю, что мы с тобой уже скоро встретимся.

Глава 6 Вова Шмак

Пустой класс информатики. Шнитина на собрании. Посреди класса за партой сидят Кольцов, Рытовский, Свят и Марк. Ещё человек десять, включая меня, разбросаны по классу. Катя сидит рядом, на парте, и весело болтает ногами, любуясь завязанными мной шнурками.

Я стою у стены, руки в перчатках, прислушиваюсь к тому, о чём говорят за столом.

Рытовский говорит низко, вполголоса:

— ...надо что-то делать, не хочу снова выглядеть как говно.

Я удержался от смеха: вспомнил, какой он был красный, когда Тоха красовался кубком.

Марк, косо щерясь ровными зубами, всё ещё раздражён:

— И что ты предлагаешь? Подойти и сказать: «Семихатов, будь другом, насри кругом, не участвуй»? Посмотрел бы я на тебя после его ответа.

Свят усмехается. Я вижу его лицо — светлое, открытое, с чёрными волосами. Он смотрит на Рытовского, ждёт.

Рытовский — широкий, в костюме-тройке, выделяющийся на общем фоне, — снисходительно, как доктор, объясняющий что-то умственно отсталому, произносит:

— Не надо подходить. Надо сделать так, чтобы он сам не захотел. Или не смог участвовать. Делов-то.

Рытовский юлит. Он не хочет быть тем, кто это предложил. Я вижу это. Свят тоже видит.

— Травмировать? — Свят морщится, обрывает его. — Предлагай конкретно. Чего ты мнешься? Мы не на риторике сидим.

— Конкретно? Хорошо. Травма — самый надёжный вариант. Только делать это должен не ты. Не я. Кто-то, кто не вызывает подозрений.

Марк вскидывает голову.

— Я могу!

Рытовский морщится:

— Ты? Марк, извини, нет. Ты первый, на кого подумают. Да и, ну... Вспоминая, как ты летал по столовой, мне не верится, что ты справишься. Нужен кто-то... незаметный.

Марк сжимает зубы:

— Я справлюсь! Он меня унизил при всех. Я имею право!

— Дело не в твоём праве. Дело в результате. — Рытовский качает головой.

— Запугать? — Свят пожимает плечами. — Не обязательно сразу прибегать к крайностям.

— Запугать? Это ты себе льстишь, Свят, мысли здраво. — Рытовский бесшумно, подпирая стол плотной рукой, смеётся.

— Да узнают — и всё, пиздец, — говорит Марк.

— Не узнают, — Свят пожимает плечом. — Если сделать аккуратно.

Кольцов, плохо знающий больные темы Свята, неосторожно спрашивает:

— Сломать ему что-нибудь? Или у тебя брат ничем помочь не может?

Свят молчит. Лицо темнеет, он напрягается. Я вижу, как его пальцы сжимаются на столе. На секунду мне кажется, что он ударит Кольцова. Но он сдерживается. Впрочем, Кольцову удар Свята вряд ли как-то повредит.

— Обойдёмся без него, — говорит он тихо. — Найдём способ.

Марк негромко:

— А если он всё-таки выйдет?

Свят смотрит на него. Глаза холодные.

— Тогда я сам его вынесу. Любыми способами.

Тишина. Все чувствуют напряжение. Рытовский, поспешно, не желая продолжать эту тему, говорит:

— Решим вопрос. Сейчас важнее другое: как между собой делить будем, если Тоха всё-таки вылетит?

Свят смотрит на него. Лицо становится жёстким.

— Кубок мой.

— Да без проблем, — Рытовский поднимает руки. — Я просто спросил.

— Я не для того собираюсь его выигрывать, чтобы кому-то отдавать, — продолжает Свят, и в его голосе появляется металл. — Он был у брата, теперь будет у меня. Понял?

Рытовский молчит. Кивает. Другие тоже.

— Мне хватит призового, — улыбается Рытовский, — всё равно кто получит кубок.

Я стою. Пальцы под перчатками горят.

«Что ж ты, Шмак, даже не вмещаешься? Снова пособничаешь в подлости? В предательстве?»

И я молчу.

Трус. Хотя, что-то я тебе лыщу, Шмак. Ты — мебель. Так, табуретка. Они на тебя даже не посмотрят.

Я сжимаю руки в карманах.

Лак под перчатками холодит пальцы. Он — единственное, что по-настоящему моё.

Они не знают. Никто не знает.

— Есть у меня один способ, — Рытовский скалится. — Волшебное средство, так сказать, метод балерин и балерунов. Помазать финалгоном шорты или трусы, носки, кросы, в общем что-нибудь, и вынести его — всё будет гореть, так что он не сможет драться, плюс не прикопаешься.

— И кто будет этим заниматься? — с сомнением спросил Кольцов.

— Нужен кто-то умелый и незаметный, — Рытовский обернулся ко мне и ткнул пальцем с кольцом. — Вот как он, я его только заметил.

Я замер. Сердце ухнуло куда-то в живот. Палец Рытовского всё ещё был направлен в мою сторону.

Нет, нет, только не это... Только не я! Как ты визжишь у себя в голове, как будто свинью режут. Тише! Самое то для кого-то вроде тебя.

Я смотрю на руку Рытовского. На кольцо. На то, как он улыбается. Он знает? Он всё знает? Он видел меня?

Марк прищёлкивал языком, обводя невидящим взглядом класс. Потом резко повернулся к Рытовскому и зло сказал:

— Он? Ты серьёзно? Значит, я — нет, а он — да? Он даже слова сказать не может при людях. Он всё, блять, провалит!

— Именно поэтому он и подходит. На него никто не посмотрит. Кто он вообще? Я даже фамилии его не помню, его просто никто не знает.

Свят задумчиво смотрит на меня.

— Ты справишься? — ободряюще спрашивает он с улыбкой, как будто доброму другу. Голос у него ровный, без угрозы, но я знаю: если скажу «нет», со мной будет то же, что и с Димой.

Тело напряглось и никак не могло расслабиться, рот открыт, зубы всем видны, но закрыть ты его не можешь, не хватает воздуха. Рядом оценивающе смотрит Катя: если я сейчас скажу «нет», она будет думать, что я говно, как это было до Свята.

Выбора нет. Был ли он когда-нибудь? Был, конечно...

Я поднимаю голову. Смотрю на Свята.

— Я сделаю это.

Оправдываясь, Шмакодявка, тебя снова приставили драить сортиры за других, к самой грязной работе, а ты даже не захотел отказаться.

Свят медленно кивает. На его лице нет улыбки, он воспринимает это как должное.

— Хорошо, — говорит Свят. — Тогда начинай, узнай там, как и где он тренирует, начни ходить туда же. В общем, начинай, если всё будет норм, сделаем тебя призёром на фестивале.

Выходя из класса, сталкиваюсь с Марком, он толкает меня плечом, обжигает взглядом и уходит.

Итак, теперь ты вынужден бегать за ним как собачка и смотреть, не оставит ли он тебе трусики, чтобы ты над ними надругался. Прекрасно!

Вот он в столовой.

Тоха встаёт из-за своего стола. Идёт к раздаче. Проходит мимо Веры. На секунду задерживается. Смотрит на неё.

Она поднимает глаза.

Тоха что-то говорит ей, отдаёт свой вейп. Для чего? Интересно.

Он возвращается за стол. Смеётся с Седых.

— Шмак, ты в порядке?

Ты поднимаешь глаза и тут же расплываешься в улыбке, своей щербатой улыбочке, жёлтыми зубками. Тут же давишь улыбку — она у тебя мерзкая.

— Да, — говорю я, меня бросает в жар, ненавижу себя за то, что мысли мечутся, а сказать ничего не могу. — Н-нормалёк!

ААХХАХАХААХАХ! Что за «нормалёк»? Шмак, ты чего!? Вылез из «Сватов», ты что, Будько? Не позорься, говори нормально!

Я заливаюсь краской.

— Пошли что ли в волейбол? — смеётся она и берёт меня за руку.

Я смотрю на стол. Лужа. Разлил, пока наблюдал.

— Погнали! — радостно говорю я.

Мы выходим. Идём в спортзал.

На стене — объявление: «Фестиваль соревнований. Запись до 3 марта». И подпись: «О.В. Шнитина».

Я смотрю на него долго, пока Катя не дёргает меня за рукав. Я судорожно сжимаю кулак, лишь бы не стянула случайно перчатку, и прячу руки.

Возле двери в раздевалку она останавливается, разворачивается, кладёт руки мне на грудь и заглядывает в глаза снизу вверх.

— Вова... знаешь, я хотела тебя кое о чём попросить...

Что? Меня попросить? Неужели... о встрече? Вот дебил, надо было самому пригласить, а ты дождался...

— Проси, конечно!

— Я тут поспорила с одной выскочкой из моей спортшколы, Алисой, на приём и подачи — ну, кто лучше, — в общем, на завтра, а там будет Лилуш... — Она отвела глаза. — В общем, ты бы не мог объяснить ей, что лучше иногда промахиваться...

Каждый раз поражаюсь, какой ты наивный, Шмак. Да ведь ей только и нужно, что твоя страшная рожа, чтобы пугать кого надо.

Сука, не смей так о ней говорить! Я за неё любого порву, она сегодня сама пригласила поиграть! И как она на меня смотрела! Блять, не хватало слов, так влюблённо, что ли...

Дурак...

— Конечно, Кать!

— Отлично! — Она вся расцвела, чмокнула меня в щёку, почти в самый уголок губ. — Инга, она как раз сейчас в раздевалке, ты зайди, не стесняйся, там больше никого, а я пока

пойду разомнусь! Ну и... приходи завтра, думаю для неё будет нагляднее, если ты будешь в поле зрения.

Она убежала.

Поцеловала, она меня поцеловала!

Ого, как ты весь разгорячился, как глубоко дышишь, пальчики теребишь? Ох не то ты теребишь, ох не то...

Прекрати, урод! Я не позволю тебе так об этом говорить!

Ладно, ладно, Шмак, умолкаю.

Да! Действительно, стоит её куда-нибудь пригласить, может, посидим в «Додо Пище», или это слишком банально? Я не знаю, не важно! Главное, что вместе, с ней! Я стоял и смотрел на дверь, за которой она скрылась, и чувствовал, как улыбка на моём лице превращается в оскал. Она попросила. Значит, я сделаю.

Я выдохнул, злобно ощерился — мерзко, как я умею, — закатал рукава и открыл дверь в раздевалку. Алиса вскрикнула от неожиданности, она натягивала футболку. Я прикрыл дверь.

Глава 7 Даша Миронова

Эта спортшкола выглядела отвратно, в принципе как и я. Высоченная, широченная, с облупившимся бетоном вместо стен — когда-то её красили в бледно-жёлтый, но краска облезла, обнажив трупные пятна. Сколько параллелей сразу проводится! На фронтоне красовались облезлые греческие герои — безрукие, безголовые, как инвалиды, не способные даже жить, не то что заниматься спортом. Они всё ещё сжимали кулаки, словно могли кого-то ударить.

Тяжёлые двери устрашали — но я налегла плечом, чуть не померев от боли в рёбрах, и они со скрипом отъехали внутрь.

Раньше я ходила сюда с Бессоновой и Катей поиграть в волейбол или бадминтон, или просто позаниматься гимнастикой. Сейчас мне разве что на реабилитационный массажик ходить!

Внутри меня встречает равнодушный охранник в окошке — он бесконечно щёлкает зажигалкой, из которой уже не идёт огонь. Дальше коротенький коридор, увешанный пожелтевшими грамотами, а ещё дальше — обширный холл с турникетами. Работал из них всех только один, да и тот впускал всех без разбору — я просто прошла, он даже не пискнул. В воздухе тревожная стылая нота.

Остановилась у гардероба, перекосившись, как дцпшник, сняла куртку, повесила на пустую вешалку. Здесь всё было по-прежнему: запах хлорки, старого дерева, резины, гулкий барабан далёких шагов и ударов. Но что-то не так... Я уже не та, что приходила сюда когда-то.

Хотела позвонить Кате — она обещала встретить меня на крыльце, но смысла в этом уже не было, потому что я увидела её у стенда с кубками. Она весело беседовала с Антоном Семихатовым. Что он тут делает? Я направилась к ним.

Мимо топали какие-то спортсмены, от них сквозило маршем славянки, гипнотичное однообразие лиц мельтешило вокруг, как тысячеликий военный хор. Они облапали меня глазами, облизали взглядами, прошли вдоль по коридору и всей толпой завернули за угол.

Катя в кои-то веки заметила меня. На ней была короткая чёрная майка и свободные шорты, волосы собраны в хвост, на запястьях — яркие фиолетовые напульсники. Она лучилась дурацкой спортивной сдвигшностью, как будто её до скрипа накачали веселящим газом.

— А! Даша, приветик! Сори, что не вышла к тебе, смотри кого встретила! — Она звучала легко, как песни о лете. Не то что я.

— Привет, — сказал Семихатов.

Он стоял, засунув руки в карманы спортивных штанов. В майке он был почти домашним. Он кашлянул, прикрыв рот ладонью, — обычно он просто харкался на пол. Прогресс! Вот что может стать с людьми за полгода моего отсутствия!

Я поздоровалась.

— Ты тут какими судьбами? — обратилась я к Антону.

— С тренером по боксу базарил, ну и Артема жду, Инна его сюда на шахматы таскает. Катя, ты не знаешь, где тут шахматная студия?

— Знаю, конечно, я иногда вижу, как они с Инной туда ходят.

— Покажи.

Катя думала несколько секунд, с хитрожопостью в подведённых глазах разглядывая старый, ещё советский кубок за стеклом.

— А ты не хочешь посмотреть на мою игру? У меня сегодня небольшой спор с Алисой. Зови и Артема с Инной, вот я Дашу позвала посмотреть.

— Ладно, — Антон пожимает плечами. — Пойдёмте за ними, что ли?

— Подожди, я позвала Вову Шмака, чтобы он тоже глянул.

— Шмака? — Семихатов с явным напряжением припоминает, кто это, потом вспоминает и неприязненно морщится.

Шмак появился через пятнадцать минут. Зашёл, глядя в пол, хмуро оглядел нас, задержался взглядом на мне и особенно на Семихатове, — понятное дело, он же вокруг компании Свята вертится, как и Катя.

Он коротко и неприветливо бросил: «Здорова». Катя обнялась с ним и повела нас к шахматной студии.

А тут довольно оживлённо: какие-то ботаники с девственными усиками, очкарики, перекачанный мужик в отчаянии перед невзрачной «четырёхглазой». В углублении из нескольких шкафов Артем и Инна негромко, но ожесточённо спорили; высоченные потолки разносили звуки их голосов на десятки метров, но никто, видимо, не смел прерывать их.

— ...Инна, прости, но мне кажется, ты не осознаёшь, что делаешь! — Артем говорил сдержанно, немного поджимая губы. — Ты как будто видишь только два варианта: или зубрить дебюты, или яростно атаковать, пока тебя не разобьют или пока ты не разобьёшь. Но это просто неверный подход!

— Не учи меня, — Инна, голос — как бедствие, как Раммштайн, — надоело. Просто ты не хочешь признавать, что я могу играть не хуже тебя!

Артем поднял на неё глаза.

— Не учить? А зачем тогда ты меня зовёшь играть? — бросил он, и в голосе прорезалась усталая резкость. — Чтобы я сидел и кивал, когда ты совершаешь одну и ту же ошибку?

Инна как будто смягчилась, когда от него брызнула во все стороны усталая музыка Вадима Макашенца. Она пожала плечами — слишком небрежно, слишком демонстративно, не хочет всё-таки признавать его правоту.

— Ну, знаешь, если тебе так в тягость...

Она замолчала. Что это... почему он это терпит?

— Чтобы тренироваться, а не слушать нотации, — она вертела в руках фигурку офицера. — Сегодня ты победил только потому, что играл за белых, а я не учила голландскую!

— Вот именно! — Артем устало опустил голову, как будто под петлю. — Дело в том, что ты учишь дебют, но когда противник не сдаёт — ты теряешься. И сыплешься в миттельшпиле!

— Я делаю что умею! Тебе-то легко говорить! — Инна резко выдохнула, голос её заострился до той степени, когда мог пустить кровь. — Ты выиграл! Боженька, мать — дарвиновская эволюция насыпала тебе от господских щедрот с лихвой дарового таланта. И как ты к этому относишься? Как к данности. Когда ты в последний раз открывал теорию? Мечтатель ёпта, не начинай! — Она победно оскалилась, глядя, как у Артема сжались плечи.

— Почему ты так думаешь... — тихо спросил Артем.

Я поняла: она вонзила эти слова точно в цель. Мне стало не по себе — потому что я тоже так думала о нём, но никогда не говорила вслух. Но она переборщила... Артем тяжело замолчал, как перееханный катком.

— Ладно, прости, что-то я забылась...

— Инна... всё это казуистика, — Артем с трудом взглянул на неё и с натугой продолжил. — Давай отбросим все эти инфлексии и поговорим о сути... — Он осекся, заметив нас, но через полсекунды закончил: — ...немного позже.

— О, — Инна оглядела нас с вызовом, музыка в ней стала ярче, экспрессивней. — Привет-привет, чего вам?

Катя подскочила к их столу, положила ладонь на плечо Артема, наклонилась над доской. Инна глядела на это с презрением. Седых поднял на Катю глаза, вопросительно изогнул бровь, и она с улыбкой убрала руку.

— Я предлагаю вам отвлечься, — она смотрела на Артема, но говорила обоим. — Посмотреть, как мы с Алисой будем, так сказать, дуэлировать. Там и Тоха будет, а он тебя искал.

— Ладно, — ответил Артем, избегая наших взглядов.

— Нет, мы же не закончили! — выпалила Инна, даже немного раньше него.

— А... ну, ладно, продолжим потом, когда-нибудь. — Инна поспешно сказала это и откинулась на спинку стула с видом облитого помоями гения.

Артем вздохнул и остался сидеть.

— Видите, мы ещё не закончили, — сказал он, обливая стол поникшим взглядом.

— Иди, Артем, я доиграю сама! — продолжила драму Инна.

— Инна, не выёбывайся, потом продолжите, — Тоха влетел в диалог с ноги, чуть не вытаскивая Артема из-за стола. — Ну, давай уже, Инна, оторви жопу от стула на часок, успеете доиграть, день длинный.

Артем поднялся. Он оглянулся на Инну с мольбой во взгляде.

— Идём-идем! — требовал Антон.

Артем, видимо, чувствовал себя хуёво. Видя это, Инна смягчилась, поднялась из-за стола и бросила, отвечая Тохе:

— Уговорил!

Она меня раздражала.

Шмак стоял у входа в студию, прислонившись к стене, и смотрел на нас исподлобья. Он не проронил ни слова за всё время.

По пути к спортзалу я хромала следом за Катей, слушая, как Артем спорит с Инной и Тохой по поводу кинохи, в которую им пойти. Краем глаза видела Шмака — он плёлся позади всех, как привязанный, это вызывало смутное беспокойство.

Помню, я видела его в компании Свята ещё до того, но запомнила только, что он пустое место. Раньше я не придавала этому значения: в школе полно таких «тихих» или «уродов», которые просто боятся лишний раз открыть рот, вроде Вязанки, но есть и клоуны типа Пипы.

Раньше я просто прошла бы мимо него и даже не заметила. Но теперь я знаю, как это — когда на тебя смотрят как на говно, когда твоя хромота или шрамы становятся единственным, что люди видят. Я приблизилась к таким, как он, настолько близко, что меня тошнило от мысли, что кто-то мог бы поставить нас в один ряд. Я одёрнула себя: ты не он, Миронова. Побитый Бенгли, всё ещё не «шестёрка».

Интересно, ударил бы он меня, если бы я сказала это ему в лицо?

Стало некомфортно — словно по спине провели холодной половой тряпкой. И ещё: я заметила, как Шмак то и дело косился на Семихатова, слишком часто, почти каждый раз, когда я замечала его краем глаза.

Катя беззаботно трусила впереди всех. Когда я поравнялась с ней, она скосила глаза и весело прощелкала:

— Да уж, круто вчера получилось, я в ахуе, как ты Бессонову опустила. Ну в общем, туда ей и дорога.

— Угу...

— Знаешь, она тоже сегодня пришла, представляешь? Я думаю — она просто хочет посмотреть, как я проебусь, не дожждётся!

Катя... Катя... куда ты лезешь?

Я не хотела говорить о Лене. Да, она поменялась ко мне, но хотя бы не поносила меня за спиной — или я просто не знала об этом. И я не стану опускаться до того же. Я ценила наши общие воспоминания. Пусть они остались в прошлом, но вспоминать столовую... каждый раз в груди саднит.

— Хоть бы она проиграла на фестивале. Пустое место, — сказала Катя. Я промолчала. Лена была мразью, но она была моей мразью. А хотя какая разница, теперь она мне — никто. Тоха кашляет — сухо, хрипловато, выхаркивая название какого-то фильма.

— Ладно, — сказала я, чтобы прекратить этот разговор. — Давай лучше про игру. Ты уверена, что справишься с Алисой?

— Да по любому!

Мы вошли в зал. Он был огромным, как ангар, — высокие окна под потолок, затянутые пыльной плёнкой, пропускали мутный февральский свет, который ложился на паркет жёлтыми квадратами, похожими на старые черно-белые фотографии.

Алиса яростно набивала мяч в конце зала. Она была высокой, жилистой, с короткими тёмными волосами, зачёсанными набок, от неё веяло чем-то панковским, вроде Летова.

Катя сразу пошла к ней, помахав рукой, как старой знакомой. Алиса окинула её взглядом, потом перевела глаза на меня — скользнула, как ножом по стеклу, — и наконец уставилась на Шмака. Тот присел на лавочку и ответил ей таким же долгим взглядом. Ого, они, оказывается, знакомы, я-то думала они из разных миров.

Мы пошли к скамейке, где примостилась пара десятков учеников спортшколы и наших одноклассников, среди них, приветливо мне кивнув, была Лена.

— Ну что, Али-и-ис, готова проеба-а-ать? — Катя встала за линию подачи, её голос тянулся, как глюкозовый передоз.

— Ты смешна, — Алиса отошла на свою половину площадки, присела, готовясь к приёму. — Не плачь потом!

Катя вздрогнула. Неужели её так задевают подколы?

Она подала. Мяч взлетел, описав крутую дугу, и с силой ударился в пол на половине Алисы. Та едва успела подставить руки, но приём вышел корявым — мяч отскочил в сторону, стукнулся о стену и покатился под скамейку. Семихатов пинком отправил его.

— Один-ноль! — крикнула Катя и подпрыгнула на месте. Её глаза блестели.

Алиса стиснула зубы, поправила резинку на запястье и глянула куда-то в сторону зрителей, расколов стену взглядом.

Я доковыляла до скамейки и села с краю.

— На что спорят? — спросил Тоха у сидящего рядом Лилуша.

— На то, кто со мной на свидание 8 марта пойдёт.

— Серьёзно?

— Ага...

Тоха засмеялся.

— А разве Катя там не со Шмаком?

— С кем? — Лилуш не понимал.

— Ну вон сидит, — Тоха кивнул на лавочку в отдалении, где сидел Шмак.

— Да нет, конечно, это кто вообще?

Следующий розыгрыш: Катя подала ещё сильнее, мяч врезался в сетку, но перелетел на сторону Алисы, та бросилась к нему, но не достала — растянулась на паркете, ударившись коленом.

— Два-ноль! — Катя засмеялась, запрокинув голову. — Давай, Алис, проснись!

— Заткнись, — прошипела та, поднимаясь и отряхивая лосины. — Я только разминаюсь.

— Давай, Катя! — крикнул Тоха из-за спины. — Сделай её!

Катя обернулась и послала ему воздушный поцелуй, потом снова взяла мяч.

Она играла азартно, почти агрессивно, с каждым ударом вкладывая в мяч всю свою злость на Лену, на Алису, на всех. Алиса, наоборот, сжималась. Её подачи становились короче, приёмы — неувереннее. Она то и дело косилась куда-то, может быть, на кого-то конкретного, но я никак не могла понять на кого, слишком эти взгляды были короткие.

Наверное, боялась, что о ней подумает её милый Лилуш...

Я почувствовала странную жалость к Алисе, столько стараний ради чего-то подобного... Как там Инна говорила? С лихвой дарового таланта... Я её понимаю, на самом деле я так же втайне ненавижу их всех, как она терпеть не может Артема, они все способны прыгать, бегать, так подавать.

— Да уж, как-то вяленько идёт, мне почему-то кажется, что Алиса не старается. — Инна глянула на Артема.

— Не знаю, я никогда раньше не видел, как она играет, она из какого класса?

Пусть спрашивал Артем не меня, но я ответила:

— Десятый «В», я с ней иногда пересекалась, когда раньше сюда ходила.

Артем повернулся ко мне — не резко, но так, будто мой голос застал его врасплох.

— Ты её знаешь?

— Нет, — я нервно тискала краешек футболки, — но я видела её игру. Она действительно сегодня не в форме, вообще-то даже странно, почему она так раскисла.

Инна хмыкнула, но промолчала.

Я поймала себя на мысли, что мне стыдно за ту сцену в первый день. Может, он и правда не хотел ничего плохого, а я просто сорвалась. С кем не бывает.

Катя с гулким шлепком вмазала по мячу и промазала.

— Ты, кстати это, Артем, извиняй за грубость, тогда в понедельник. Чё-то я не в себе была. Херово вышло.

— Да ладно, я в принципе так и понял, — он улыбнулся.

Игра закончилась быстро — 5:1 в пользу Кати. Та бросила мяч на пол и вскинула руки, как чемпионка.

— Ну что, Алис? Я же говорила!

Алиса тяжело дышала и чуть не рвала взглядом Катю на части. Несколько секунд молчала, а потом бросила, как рубль бездомному:

— Ты сука.

— Иди давай, ебаная неудачница!

И Алиса пошла, подхватив с пола рюкзак.

Катя прыгала и кричала, обнимаясь с Лилушем.

А я смотрела, как Алиса плелась к выходу, сжимая рюкзак, как гранату. Я смотрела на её спину — прямую, до беспредела, — и думала: вот моё племя. Раньше я бы тоже радовалась, наверное. Теперь я знаю, как это — быть проигравшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.